

ПУСТОШИ АЛЬТЕРРЫ КНИГА 3

Пустоши Альтерры

Александр Казанцев

Пустоши Альтерры. Книга 3

«ИП Головин»

2026

Казанцев А.

Пустоши Альтерры. Книга 3 / А. Казанцев — «ИП Головин»,
2026 — (Пустоши Альтерры)

Они не собирались становиться известными. Была дорога, старый броневик и несколько решений, после которых назад уже не возвращаются. Потом пришли деньги, оружие, имя на трассах и экипаж, который держится крепче любой брони. Но Пустошь не любит тех, кто слишком долго едет прямо. Мелкая проверка вытаскивает наружу старые долги, опасные связи и людей, которых лучше было не тревожить. В Кодексе меняется баланс сил, рынки лихорадит, топливо исчезает, цены скачут, а торговцы всё чаще врут в глаза. Дорога снова зовёт их в рейд. И на этот раз ставки выше, чем груз, деньги и выживание экипажа. Потому что Пустошь меняется, а живыми остаются те, кто успевает выстрелить первым.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Казанцев

Пустоши Альтерры

Книга 3

Глава 1

Грейвилл

Порыв ветра прошёлся по пустоши, поднял облако песчаной пыли. За горизонтом догорал закат, и алые отсветы разливались по небу. Гул двигателя проникал глубоко под кожу, дрожал в рёбрах, заполнял голову тяжёлым, знакомым ритмом. Для Анессы броневик давно перестал быть просто машиной – теперь это была надежда, путь в жизнь, о которой она раньше и мечтать не смела.

Решение остаться далось проще, чем она ожидала. После всего пережитого, после того как Мрак дважды вытащил её с края, идти дальше одной уже не имело смысла. Она понимала: уйдёт сейчас – и никогда больше не найдёт тех, на кого сможет так же опереться.

В тот день Шлюз Вулканиса встретил их душным воздухом и ленивым гулом работающих доков. Город дышал жаром остывающего металла, шипел паром, переливался бликами неона в масляных лужах. Караванщик молча заглушил мотор.

– Всё, приехали.

Вектор покосился на Анессу.

– Здесь безопасно.

Девушка сидела в углу кабины, пальцы намертво вцепились в колени, побелели. Она открыла рот, хотела что-то сказать, но слова застряли в гортани.

Вектор переглянулся с Мраком и осторожно продолжил:

– Мы сделали то, что обещали. Хотела попасть в Вулканис – вот он.

– Ты справишься, – добавил Мрак.

– Ннет.

Ответ прозвучал резко, испуганно. Вектор нахмурился:

– Что «нет»?

– Нет, – повторила она твёрже, глубоко вдохнув. Голос надорванный, хриплый от напряжения последних дней.

Мрак чуть прищурился:

– Анесса?

Она медленно повернула голову. В её лице больше не было пустоты – только решимость. Уголки губ дрогнули, она попыталась улыбнуться.

– Слушайте... Я...

Фраза оборвалась, она зажмурилась, собираясь с мыслями. Мрак молчал, не торопил – он видел людей, вернувшихся с края, и знал, что им нужно время, чтобы снова почувствовать землю под ногами.

– Есть предложение, – сказала Анесса твёрже.

Вектор покачал головой:

– Мы людей не нанимаем.

– Я и не прошусь к вам в наёмники, – возразила она спокойно. – У меня другая схема. Я покупаю товар на свои деньги. Вы отвечаете за доставку и продажу. Половина прибыли – моя.

Вектор приподнял бровь, оценивающе.

– Хочешь стать нашим торговцем?

Она коротко кивнула.

– Вам вообще не придётся думать, что брать и где сбывать. Это моё дело. С вас только доставка.

Мрак задумчиво потёр щетину:

– А если решим тебя кинуть?

Анесса улыбнулась:

– Не решите.

– Почему?

Она склонила голову, рассматривая обоих.

– Если бы вы были такими, как люди, которых я знала раньше, меня бы здесь сейчас не было.

Повисла тишина. Вектор хотел было возразить, но возразить было нечего. Анесса глубоко вздохнула и решилась окончательно.

– Я выйду, – сказала она негромко, спустилась на подножку и твёрдо встала на землю. – И мы попробуем.

Первые рейды по наводке АнеССы оказались лучше всех прежних. Больше никаких метаний по рынкам в поисках случайных грузов, никаких сомнительных сделок и пустых споров – просто приезжали, брали груз и уходили в путь. И каждый раз возвращались с небольшой прибылью, впервые за долгое время счёт не падал в минус.

АнеССа – именно так она теперь попросила себя называть – явно знала, что делает. Оставалась только одна проблема: продажа.

– Две монеты за упаковку? – торговец на форпосте прищурился, оценивая товар.

– Да, – Вектор кивнул, стараясь держаться уверенно.

– Парень, дорого. Возьму по полторы.

Илья замялся.

– Полторы и десять жетонов сверху, – торговец чуть наклонил голову, уверенно продавливая уступку.

Парень скривился, украдкой покосился на Мрака. Тот молча ждал.

– По рукам, – пробормотал Илья.

Когда вернулся к машине, Мрак уже стоял у борта, скрестив руки на груди.

– Слабо, – бросил коротко.

– Нормально же вышло.

– Ты дал себя продавить.

– Полторы – тоже деньги.

– Могло быть две.

Илья раздражённо вдохнул, внутри неприятно кольнуло.

Караванщик свернул разговор, но решение принял окончательно. Если Вектор не может нормально торговаться, значит, нужен делец рядом. Когда вернулись в город, АнеССа уже ждала их, спокойно облокотившись на ящики у въезда.

– Ну? – спросила она, приподняв бровь. Ответ она и так знала.

Мрак молча посмотрел на Илью. Тот задержал дыхание, принимая решение товарища.

– На следующий прохват едешь с нами.

АнеССа коротко улыбнулась – этого момента она ждала давно.

Постепенно Вектор закрепился за турелью, стал стрелком команды. Прежде всего из практических соображений: тот, кто держит оружие, не должен отвлекаться на лишнее. Но вскоре стало очевидно, что роль стрелка – его истинное призвание. Он безупречно вёл огонь, надёжно прикрывал машину, умел хладнокровно рассчитывать дистанцию.

На первые заработанные деньги купили бронежилет с укрепленными плечами и высоким воротником – защита от случайных рикошетов была жизненно необходима. Следом приобрели

прочный шлем с баллистическими очками, который почти сразу спас Илье жизнь. Во время одной из перестрелок случайный рикошет угодил ему прямо в голову. Без защиты он бы погиб или получил тяжёлую контузию, но шлем лишь сорвало набок – в ушах зазвенело, сознание на мгновение помутилось, однако руки не дрогнули, и Илья продолжал стрелять, держал оборону до конца.

За следующие три месяца Анесса стала негласной частью экипажа. Её по-прежнему не считали полностью своей, но и чужой уже не воспринимали – вынужденный партнёр, полезный, но не ключевой.

Она искала товар, договаривалась о сделках, решала, что и на каком форпосте лучше предложить. Двигались они вокруг Вулканиса, оставаясь на восточной стороне треугольника. Иногда девушка вкладывала собственные деньги, но чаще действовала на общий кошелёк. Пока всех устраивала эта схема, однако Анесса прекрасно понимала – это временно. Рано или поздно мужчины сами освоят торговлю, научатся сбивать цены при закупках, выгодно продавать и заключать сделки без посторонней помощи.

И тогда она станет лишней.

С каждым новым днём Анесса всё отчётливее чувствовала себя частью команды, но тревожное ощущение испытательного срока не проходило. Мрак перепроверял каждое её решение, тщательно анализировал действия, точно ждал ошибки или подвоха. Никогда не принимал слова на веру, аргументы рассматривал со всех сторон и всегда готовился к худшему.

Поначалу это постоянное недоверие Анесса объясняла привычкой – в рейдах доверие к чужаку означало риск, а Мрак рисковать не любил. Однако вскоре она поняла, что причина глубже: в его глазах она по-прежнему оставалась той самой мошенницей с первой встречи, женщиной, привыкшей ловко манипулировать словами, скрывать настоящие мотивы и незаметно направлять ситуацию в нужное ей русло.

И хуже всего то, что мужчина был абсолютно прав.

Всю жизнь Анесса двигалась собственной выгодой. Любые отношения, сделки и контакты сводились к простому расчёту – взять больше, чем отдаёшь. Но теперь случилось нечто новое. Впервые за долгое время она хотела остаться рядом не ради власти, денег или мести – ей хотелось быть частью этого странного, молчаливого экипажа. А старший отказывался это видеть.

Он не упускал ни единого повода усомниться, постоянно держал её на расстоянии. Как-то даже переспросил у Вектора, не зависла ли она цену на закупках, точно ожидал подвоха каждую минуту. Это раздражало сильнее всего. Девушка приносила прибыль, делала группу сильнее и надёжнее, многократно доказала свою пользу. Но прекрасно понимала: если Мрак однажды перестанет её проверять, это будет значить одно – списали.

Осложнялось всё тем, что её чувства к Мраку давно переросли простое партнёрство.

Поначалу Анесса не придавала значения тревоге и странным мыслям после Грейвилла – в голове царил хаос, сознание лихорадочно пыталось перестроиться под новые реалии. Теперь, спустя время, стало ясно: с каждым днём рядом с этим молчаливым, закрытым мужчиной желание удержать его в своей жизни только крепло. Когда-то она без раздумий использовала бы его, предала или даже убрала, если бы на кону стояла личная выгода. Теперь одна мысль, что Мрак исчезнет, казалась почти невыносимой.

Это пугало сильнее всего.

А Мрак не показывал ничего – оставался равнодушен к шуткам, ругался на ошибки, не смотрел с теплотой или симпатией, как Илья. Был рядом, и всё равно через него не пробиться.

Вектор, напротив, проявлял интерес слишком явно. Хороший парень, искренний и открытый, но совершенно не в её вкусе. С ним пришлось бы снова притворяться, играть давно переросшую себя роль. А Мрак, которого Анесса отчаянно пыталась разгадать, не оставлял ни подсказок, ни намёков на особое отношение.

Это было хуже ненависти. Ненависть – тоже чувство, сильное и понятное. А у караванщика в глазах были только осторожность и непроходимое недоверие.

Первая трещина в этой стене появилась неожиданно. Случилось это на форпосте, когда броневик уже заглушили и двигатель медленно остывал, наполняя воздух резким запахом пироцелиевых выхлопов. Анесса сидела возле кабины, лениво перекатывая в пальцах складной нож, пытаясь упорядочить мысли.

Мрак присел рядом, молча уставившись в стену форта.

– Ты ведь из Краегора? – спросил внезапно, не поворачивая головы.

Анесса напряглась, пальцы сжали рукоять ножа.

– Как понял?

– Хват ножа. Такой только у краегорских пацанов видел. Давно ушла?

– Несколько месяцев назад.

Он почесал подбородок, продолжая смотреть в темнеющее небо.

– Почему?

Она усмехнулась, мельком взглянув на его профиль.

– Правда хочешь знать?

– Раз спрашиваю, значит, хочу.

Анесса замолчала, подбирая слова. Рассказать всё сразу было нельзя – может, позже. Сейчас он не должен знать о девушке по имени Аннабель, представлять, кем она была и что творилось в борделе, где ей приходилось выживать, играя чужими личинами. Некоторые вещи стоит оставить в прошлом. Но кое-что скрывать смысла уже не было.

– Появились проблемы, – произнесла она негромко. – Поняла, что меня используют и скоро выбросят. Я сбежала. Вулканис казался надёжным укрытием. Вышло иначе.

Мужчина молча слушал, и на этот раз его молчание было другим – без настороженности, без скрытого недоверия. Впервые за долгое время почувствовалось, что он действительно слушает, более того – понимает.

В его прищуре мелькнуло что-то похожее на признание. Несколько секунд он молчал, потом коротко вздохнул:

– Я тоже сбежал из Краегора.

Анесса повернула голову – Мрак редко говорил о себе.

– Давно? – осторожно спросила она.

– Давно, – голос стал ниже, тяжелее, воспоминания давались с трудом. Помолчав, добавил: – Знаешь Ворона?

Анесса непроизвольно задержала дыхание.

– Знаю. Правая рука Гренча.

Мрак хмыкнул с горькой усталостью.

– Около барона? Высоко залез, тварь.

– Хочешь ему отомстить?

Он помедлил.

– Может быть.

– Пока не можешь?

– Может быть.

Анесса внимательно посмотрела на него, и всё встало на свои места. Эти вопросы о Краегоре были не простым любопытством – мужчина искал путь. Их взгляды встретились, и между ними впервые что-то изменилось. Появилась общая тема, хрупкая нить, переброшенная через пропасть.

После того разговора в команде стало спокойнее. Общение утратило натянутость, напряжение, долго преследовавшее Анессу, постепенно сошло на нет. Мрак по-прежнему проверял

все решения, но теперь это выглядело иначе – скорее привычка держать всё под контролем, чем недоверие.

Однако вскоре возникла новая проблема.

Илья замечал, как Анесса смотрит на Мрака, слышал разницу в её голосе, чувствовал, что рядом с ним она становится другой. В разговорах с Вектором всегда оставалось место шуткам, лёгкости и привычной игре, но стоило появиться Мраку – исчезали насмешки и кокетство. Девушку сковывало смущение, и это дало парню ложную надежду.

Броневи́к стоял чуть в стороне от лагеря, подальше от лишних глаз. Форт жил обычной утренней суетой: караванщики проверяли технику, торговцы пересчитывали прибыль, бойцы кланов готовили оружие к выезду. Анесса сидела на подножке машины, лениво наблюдая за рынком, когда рядом молча опустился парень.

– Слушай... – начал он, с трудом подбирая слова.

Она отвела взор от палаток.

– Что-то случилось?

– Мы много времени проводим вместе, и... – Вектор запнулся, выдохнул, собираясь с духом. – Мне кажется, я тебе нравлюсь. Верно?

Сказал уверенно, наивно – он не привык к отказам. Анесса промолчала несколько секунд, внешне спокойная, но что-то в её взгляде дрогнуло.

– Ты хороший, Вектор, – произнесла она негромко, осторожно подбирая слова.

Тот нахмурился:

– Это не ответ.

– Ответ, – вздохнула она и посмотрела прямо. – Просто не тот, который хочешь услышать. Ты мне не нравишься так, как тебе хотелось бы.

Илья на мгновение растерялся.

– Почему?

Она чуть поморщилась – от боли, прозвучавшей в его голосе.

– Странный вопрос. Ты слишком хороший, – повторила Анесса, сжимая пальцы на ткани куртки.

– Это что, плохо?

– Это хорошо. Просто я не смогу дать тебе взаимности.

Повисла гнетущая тишина. Парень глубоко вдохнул, потом поднял глаза.

– Это из-за Мрака?

Анесса промолчала, но ответ и без слов был понятен.

После отказа отношения между ними менялись постепенно и почти незаметно. Сначала Илья стал молчаливее, избегал разговоров. Затем осторожно попытался наладить контакт заново, боясь спугнуть хрупкое перемирие – ловил её взгляд, угадывал настроение, искал любой повод заговорить, порой совсем без причины. Анесса понимала его, но избегала поощрять подобные попытки.

Со временем сдерживаться Вектору становилось всё сложнее. Он начал терять контроль, срывался на пустяках, мог внезапно обрушиться на девушку раздражением или беспочвенными обвинениями. Особенно трудно было в рейдах и долгих прохватах, когда нервы команды и без того были натянуты – Илья делал резкие замечания в адрес её решений, грубо указывал на ошибки, открыто спорил с Мраком, чего раньше себе не позволял. Напряжение росло, и каждый раз казалось, что ещё немного – и конфликт прорвётся наружу.

Анесса держалась в стороне. Любые объяснения могли только усугубить ситуацию, поэтому на агрессию и перепады настроения она отвечала сдержанным спокойствием. Но чем дальше заходило молчаливое противостояние, тем яснее становилось: избегать конфликта вечно не получится.

Сама девушка оживала с каждым днём всё заметнее. Болезненная бледность уступала румянцу, а в глазах загорался жадный блеск, который раньше делал её особенной. Косметика почти незаметная – знак того, что она снова жива и становится собой.

Жажда жизни крепла, тесно переплетаясь с чувством, которое всё сильнее привязывало её к Мраку. Анесса не спешила признаваться в этом даже самой себе – просто замечала, как этот хмурый, закрытый человек занимает всё больше места в мыслях, а его резкий голос и угловатые движения проникают куда глубже, чем позволено.

Она снова начала хитрить, торговаться и выкручиваться. Без этого невозможно было выбить достойную цену и обойти жадных перекупщиков, видевших в ней неопытную девчонку. Девушка с удовольствием наблюдала, как самодовольные лица торговцев сменялись раздражением и уступчивостью.

Однако со своими она всегда оставалась честна – с Мраком, Вектором, с теми, кого эти двое называли «своими». Здесь игра заканчивалась. Всю жестокость и хитрость Анесса берегла для посредников, которые жирели на потоках благодаря нахрапу и наглости, а не уму или мастерству. С такими она отрывалась по полной: давила на слабые места, выкручивала руки, заставляя поверить, что уступают по своей воле.

Деньги потекли уверенной, ровной рекой. Теперь это был не хаотичный поток, способный исчезнуть в любой момент, а стабильное течение, избавившее команду от постоянной тревоги за завтрашний день. Жетоны перестали рассыпаться песком, плотно оседая в карманах. Впервые появилась возможность не выживать, а планировать, заглядывая дальше ближайшего рейда.

Но с деньгами росла и тревога: Мрак ненавидел долги. Для него любой долг становился цепью, даже если казалось, что держишь её сам. Он слишком часто видел, как сильные люди падали, подсев на чужие деньги и ресурсы. Именно поэтому изначально схема с Анессой ему не нравилась, хоть и работала она безупречно.

Теперь команда перестала хвататься за любую возможность и тратила силы только на выгодные сделки. Это была заслуга Анессы – она не просто удержала их на плаву, а тянула наверх.

И тогда появилась новая проблема: девушка решила вложиться в машину. Она считала это своим правом и заявила уверенно, не допуская возражений. Перед Мраком встал сложный выбор. Он мог отказаться и дальше считать Анессу временным игроком, человеком, который однажды уйдёт. Но стоило ему принять деньги, и она перестанет быть просто партнёром – она станет частью экипажа.

Грызня между Вектором и Анессой нарастала, постепенно превращаясь в тень над командой. Тогда Мрак без объяснений повёл их в совершенно другое место.

Здесь не было копоти, пьяного шума, запаха пота и жира, въедавшегося в одежду. Воздух наполняли тихие перешёптывания, растворяющиеся в мягком свете настенных фонарей и терпком аромате вина с едва уловимыми благовониями. Просторный зал с массивными деревянными балками, столы под грубой, но чистой тканью, вдоль стен полутёмные ниши – для тех, кто не хотел лишних ушей.

Мрак направился к одной из таких ниш. Вектор застыл в проёме, оглядываясь с интересом – он не бывал в подобных местах. Здесь не было липких столешниц, мутных взглядов и напряжённой тишины, предвещавшей неприятности. Всё казалось слишком дорогим.

Илья уже собирался заговорить о делах, но Мрак бросил коротко:

– Позже.

Тот нахмурился и подчинился.

Анесса осторожно опустилась на стул, коснувшись спинки, точно проверяя реальность происходящего. В этот момент прошлое ожило само собой.

Полумрак, запах вина, приглушённые звуки – всё всколыхнуло давно забытые воспоминания. Она не сразу поняла, почему сжалось горло и напряглось тело, ожидая удара или грубого слова. Лишь спустя мгновение ясно всплыло – бордель. Казалось, эти годы давно вычеркнуты, стёрты, но образы вернулись размытыми отрывками, утратившими власть, но всё ещё оставляющими след. Кто-то грубо задел старый, заживший шрам.

Анесса резко моргнула, глубоко вдохнула, отгоняя наваждение. Теперь её улыбка принадлежала только ей, глаза были свободны от мерзости и похоти, чужие руки больше не заставляли её притворяться. Прошлое отступило, став едва заметным пятном на краю сознания.

Официант молча выставил пузатую бутылку с крепким напитком и тарелки с простой, сытной закуской. Вектор взял ломоть запечённого мяса и с довольной улыбкой начал есть неторопливо, наслаждаясь каждым кусочком. Анесса смотрела на пламя свечи, пальцы медленно скользили по столешнице, удерживая её здесь и не позволяя мыслям уйти в прошлое. Мрак наблюдал молча – обстановка его не интересовала, сейчас важнее было следить за ней.

Настойка обожгла горло. Анесса первой захрипела, закашлялась, ошарашенно уставилась в кружку. Илья, старательно жуя, расширил глаза от неожиданности – явно не ожидал такой крепости. Лишь караванщик довольно крикнул, он заранее знал, что принесут.

– Хороша, – коротко вынес вердикт, ставя кружку на стол.

Анесса, моргнув и с трудом отдышавшись, потёрла виски.

– Сколько здесь?

– До хрена, – спокойно бросил Мрак, разливая по второй.

– Уф... – девушка с опаской покосилась на новую порцию.

Илья хмыкнул, прихватил ещё мяса и пробормотал с деланным спокойствием:

– Ну, это... бодрит.

Голос слегка дрогнул, дыхание сбилось, но виду парень старался не подавать. Мрак неторопливо взял кусок, подождал, пока остальные придут в себя, и заговорил неожиданно:

– Надо менять подвеску.

Анесса подняла глаза:

– Что?

– Подвеску, – повторил он терпеливо. – Сейчас стоит гражданская, это ошибка. На обслуживание боевого варианта уйдёт примерно столько же денег, сколько мы сливаем на ремонт после каждого прохвата. Зато получим надёжность.

Анесса задумчиво качнула головой:

– Это дорого.

– О чём и речь.

Она выпрямилась, поставив кружку на стол:

– Значит, моя доля...

– Не сейчас.

Мрак перебил резко, и девушка невольно нахмурилась:

– Рефлекс, что ли?

Он спокойно встретил её взгляд:

– Просто погоди.

Сделал паузу и продолжил ровно:

– Дальше. Боевой отсек. Последние стычки показали – Вектору мало пространства.

Турель плохо доворачивается, особенно если нас зажимают с боков.

Илья закивал, быстро взглянув на АнеССу:

– Был момент, когда ствол не дотягивался куда надо.

– Значит, убираем часть грузового отсека, – резюмировал Мрак, явно не собираясь это обсуждать.

Девушка качнула головой, мысленно прикидывая схему машины и пытаясь представить последствия:

– Что тогда остаётся?

Мрак пристально посмотрел на неё, заранее зная реакцию:

– Твоё место.

– Что с ним?

– Оно бесполезно.

Повисла тишина. Анесса откинулась на спинку стула, сложила руки на груди, лицо осталось спокойным.

– Я приношу деньги.

Мрак не спешил с ответом, давая ей самой понять ситуацию:

– В рейде ты больше мешаешь, чем помогаешь.

Это не прозвучало обвинением, просто факт. Она сузила глаза, внимательно рассматривая его:

– И?

– Пора что-то менять.

Вектор не вмешивался. Мрак спокойно доел мясо, вытер руки полотенцем и бросил:

– Либо учишься быть полезной в прохвате, либо...

Он не закончил фразу, оборвал на полуслове, давая додумать самой.

Снова подняли кружки. Караванщик следил, чтобы каждый выпил до дна. Сегодня им нужно было напиться – достаточно, чтобы захмелеть, но без провалов в памяти и утренней сборки себя по частям. Ровно настолько, чтобы окончательно расставить всё по местам.

Настойка тёплой волной разошлась по телу, расслабляя мышцы, оставляя разум ясным. Второй круг пошёл легче. Анесса уже не кашляла, только морщилась и быстро закусила. Илья втянул воздух сквозь зубы, качнул головой и потянулся к зелени. Мрак выпил спокойно, лицо осталось непроницаемым.

– Ладно, – Вектор отодвинул кружку и откинулся на стуле, переходя к главному. – Что она вообще может делать в рейде, кроме болтовни по рации?

Анесса прищурилась:

– Спасибо.

– Не принимай на свой счёт, – спокойно бросил Мрак, вновь разливая настойку.

– Прямо комплименты один другого лучше, – проворчала она, но спор продолжать не стала.

Вектор потёр подбородок, задумался, медленно перебирая варианты:

– Будь у нас нормальный радар...

Мрак хмыкнул, не поднимая глаз:

– Будь он у нас, ты бы первым сел за экран.

– Верно, – парень цокнул языком и чуть подался вперёд. – Но почему бы и нет? Она могла бы отслеживать цели, предупреждать заранее, кто у нас на хвосте.

Старший склонил голову, провёл пальцами по краю стола, обдумывая вариант:

– Потребуется серьёзные переделки машины.

– И стоит до хрена, – добавил Вектор.

– До хрена, – повторил Мрак, налил ещё немного и скривился, соглашаясь.

Разговор прервался, каждый мысленно перебирал способы превратить пассажирское место в полезное пространство. Алкоголь слегка размывал границы реальности, и в этом была своя польза – идеи приходили без лишних оглядок.

– Может, дымовуха? – Анесса подалась вперёд, опираясь локтями на стол.

– Мелко, – отмахнулся Мрак.

– Катапульты с коктейлями? – продолжила девушка, уже в шутку.

– Мы не в дешёвом рассказе про пустоши, – фыркнул Илья, закатив глаза.
– Ладно... – Анесса задумалась, потом резко щёлкнула пальцами. – Гранатомёт.
Мужчины переглянулись.
– И как стрелять из окна? – усмехнулся Вектор, уже с любопытством.
– Ставим его на угол морды.
На этот раз их взгляды встретились с новым интересом.
– Дистанционно управляемый барабанник, – Анесса опёрлась подбородком на кулак, мысленно выстраивая конструкцию. – Закрепить так, чтобы можно было сразу бить с места...
Мрак задумался, перебирая варианты.
– Рабочая идея, – наконец сказал он.
Вектор хохотнул, голос уже немного заплетался:
– Представляю картину: едем, вокруг бандюки копошатся, пули свистят, а тут Анесса из своего угла – бах-бах-бах! Всё в дыму и огне.
– Попробуем, – кивнул Мрак, задумчиво прикидывая, как это сделать.
Анесса с довольным видом потянулась на стуле.
– Значит, решено?
Мрак поднял кружку, прищурился:
– Если завтра не передумаем.
– Тогда выпьем за это, – девушка усмехнулась и подняла свою.
Третий круг пошёл легко. Настойка растекалась по жилам, убирая скованность, делая мысли мягче. В комнате поселилось расслабленное тепло, прежние конфликты теряли остроту, решения принимались уверенно и даже с лёгким смехом.
Дождавшись, пока остальные осушат кружки, Мрак отставил свою и словно между делом бросил:
– Первым поменяем пулемёт.
Анесса слегка приподняла бровь, крутанув в пальцах ложку:
– Почему?
– Пять пять шесть оставим на ручной вариант. На крыше он бесполезен.
Вектор фыркнул, устало прикрыв глаза:
– А стрелять-то чем будем?
– Новым стволом, – ровно ответил Мрак. – Минимум девятку. Лучше двенашку, но там с боекомплектом не развернёшься, места мало остаётся для груза.
Анесса задумчиво прищурилась:
– Зачем тогда трогать старый?
Мрак откинулся назад, перебрал пальцами по краю кружки, взвешивая слова:
– Он не тянет броню на дистанции. Спецбоеприпасов почти нет, бронебойных тоже.
Вариантов для модернизации мало, этот калибр в пустошах – игрушка.
Помолчал, добавил буднично:
– К тому же, если нас опрокинут, буду работать с рук.
Слова оборвались, оставив после себя глухую, неудобную паузу. Впервые кто-то решился произнести вслух то, о чём раньше молчали.
Вектор потёр лицо:
– Ну, вдохновил так себе.
Караванщик лишь пожал плечами, снова берясь за кружку:
– Просто говорю как есть. Если гости решат, что игра окончена, я их удивлю.
Анесса качнула головой, пальцы непроизвольно скользнули по краю рукава.
– Ладно, допустим. Что дальше?
Мрак не торопился с ответом, спокойно перевёл взгляд на парня.
– Расчёты.

Илья моргнул, слегка заторможенный от выпитого:

– Хочешь знать, сколько выйдет в итоге?

Зевнув, Вектор сосредоточенно стал прикидывать в уме цифры. Алкоголь путал мысли, пару раз пришлось пересчитать заново.

– Двадцать купюр минимум, – наконец выдал он.

Анесса подняла голову, слегка нахмурившись:

– Это же примерно шестая часть стоимости машины?

– Угу, – подтвердил Вектор.

Сумма ощутимо нависла над ними, реальная и серьёзная. Прямо сейчас у них не было и половины этих денег. Мрак не показал ничего – ни удивления, ни сомнения. Просто спокойно произнёс, наливая новую порцию:

– Значит, зарабатываем.

Вектор покачал головой, откидываясь на спинку стула:

– Хорошо, – медленно произнёс он, – но зачем нам такая переделка?

Караванщик немного помолчал. Несколько секунд смотрел в кружку, словно видел там что-то, давно не дающее покоя. Затем коротко бросил:

– Чтобы дожить.

Простая фраза прозвучала буднично, без эмоций, и в ней было всё. Анесса вдруг ясно поняла: суть была глубже рейдов и важнее самой машины. Это о другом – о Краегоре, незаконченном прошлом, долгах и вендетте, которую требовалось довести до конца. Губы девушки чуть дрогнули, она промолчала. Захочет – расскажет сам. А пока просто выпили.

И тут Анесса осознала: перед ней открылся шанс.

Без задней мысли Мрак приоткрыл дверь, долгое время запертую намертво. Он упорно отказывался принимать её деньги, удерживая её в роли полезного, но временного союзника. Сейчас это могло измениться. Если броневик был ключом к его целям, если сам говорил о необходимости вложений, но продолжал упрямяться, значит, пришло время действовать.

С самого побега из Грейвилла под тканью её пояса лежали вшитые купюры. Когда-то они были страховкой, скрытым резервом на крайний случай. Теперь стали инструментом, шансом занять своё место в команде. Там было около пятидесяти купюр. Ещё в тот вечер после первой сделки она решила вложить деньги в машину так, чтобы даже упрямый караванщик и его правильный напарник не смогли отказаться. Но именно этот негибачейший человек упорно игнорировал её средства, будто специально не давал ей стать кем-то большим.

Алкоголь тем временем размывал сознание, замедлял мысли, позволяя воспоминаниям мягко проникать сквозь тёплую дымку настойки. Старые отзвуки шептали голосами прошлого: тягучий, сладкий шёпот Аннабель напомнил времена, когда приходилось выживать телом, уверенный голос Лиссы – о том, что хитрость и расчёт всё ещё были оружием. Стоило моргнуть и глубоко вдохнуть, как голоса растворились в полумраке.

Пальцы девушки машинально сжали кружку, мысли привычно выстраивали схемы – как предложить деньги Мраку, чтобы тот согласился. Но поймав себя на этом, Анесса остро осознала: нельзя хитрить. Со своими нельзя.

Она резко разжала пальцы, сбрасывая старые привычки. Именно в этот миг почувствовала на себе чужой взгляд.

Вектор смотрел иначе, чем обычно. Осторожность исчезла, растворилось и привычное восхищение – выпивка стёрла барьеры, обнажив чувства, которые парень так долго скрывал. Теперь они читались ясно и открыто. Парень хотел её, и старший это видел. Уже понимал, что обычным разговором не обойдётся, и внутренне готовился к тяжёлому объяснению.

– Ладно, – Мрак отставил кружку и спокойно посмотрел на Илью. Голос звучал устало, с примесью раздражения человека, которому надоело ходить вокруг да около. – Теперь давай разберёмся с твоими делами.

Илья настороженно отвлёкся от своих мыслей, нахмурился:

– Это с какими?

Караванщик наклонился вперёд, опираясь локтями о стол.

– Дело в том, что тебе нравится Анесса. Ты не получил, чего хотел, вот тебя и бросает.

Вектор замер, затем раздражённо вздохнул:

– Да ладно тебе. Просто... сложилось так.

Мрак не повёлся:

– Нифига. Ты мечешься между попытками угодить ей и беспричинными срывами. Это заметно.

Вектор поморщился, опустил глаза. Мрак выдержал паузу, затем продолжил жёстче:

– Помнишь стычку у Зеро? Ты должен был прикрывать водителя, вместо этого бросился защищать Анессу, хотя угрозы там почти не было. Из-за этого твари пробились к машине и погрызли нам шины.

Илья стиснул зубы, пытаясь оправдаться, но слова застряли.

– Просто... она оказалась в зоне риска, я решил, что ей нужна помощь, – наконец выдавил он.

– Ты решил неправильно, – ровно бросил Мрак. – Ещё пример. Торговля на северном посту. Анесса тогда выбила лучшую цену, а ты сорвался на пустом месте, устроил скандал, что могла продать дороже. Хотя сам в тот день даже цифры не смог озвучить.

Вектор молчал, напряжённо глядя в стол, дышал тяжело.

– Теряешь контроль, – резюмировал Мрак, откидываясь на спинку стула. – Это уже не личная проблема, это касается всей команды.

Внутри парня кипело раздражение, но спорить он не стал – напарник сказал правду, крыть было нечем.

– Ладно, – наконец пробормотал Вектор. – Что теперь от меня нужно?

Мрак чуть склонил голову, пристально следя за ним:

– Хочу, чтобы ты сам разобрался в себе. Прямо сейчас.

Илья помолчал, провёл пальцами по краю кружки, собирая слова, потом негромко вздохнул:

– Да, она мне нравится, – сказал прямо, без увиливаний. – Но, наверное, это не любовь. Просто сильное притяжение.

Мрак чуть дёрнул щекой – услышал именно то, чего ждал.

– Понятно.

Он взял кружку, сделал небольшой глоток и перевёл взор на Анессу:

– Теперь ты.

Она растерянно моргнула:

– Что?

– Что сама думаешь?

Пальцы девушки чуть дрогнули, она быстро взяла себя в руки, хотя в голове уже путались мысли. Понимала: этот разговор рано или поздно случится – только в другом месте, иначе. Не перед человеком, который видел её насквозь.

Внутри мелькнул знакомый голос, старый шёпот, который она мгновенно оттолкнула. Когда-то можно было легко соврать, повернуть ситуацию как удобно. Но сейчас всё оказалось сложнее.

Анесса приоткрыла рот, слова заблудились. Она просто смотрела на Мрака и впервые за долгое время не могла ничего сказать.

Бутылка пустела быстрее, чем требовал обычный разговор. Две трети уже ушли, алкоголь размыл внутренние барьеры, снял часть напряжения и делал язык развязаннее. Анесса вдруг пришла в себя, ясно поняв одну вещь: Мрак спрашивал не о себе.

Этот вывод отрезвил Анессу лучше холодного воздуха. Замешательство ушло так же быстро, как появилось. Она медленно выдохнула, сбросила с себя неопределённость и заговорила чётко, ровно, без попыток подобрать правильные слова.

– Вектор хороший, – произнесла задумчиво, разглядывая капли на дне кружки. – Я его люблю.

В глазах Ильи мгновенно вспыхнуло напряжение, он уже собирался что-то сказать, когда девушка поспешно добавила:

– Почти как брата.

Парень медленно откинулся назад, губы невольно скривились, взгляд стал темнее. Он явно не знал, как воспринять её слова.

– Почти? – переспросил хмуро.

Анесса чуть пожала плечами:

– Родной брат поступил со мной ужасно.

Деталей она не пояснила, никто и не спрашивал. Призрак прошлого на миг повис в воздухе, затем исчез – возвращаться к этому девушка не хотела. Вектор задумчиво постучал пальцами по столу, негромко хмыкнул, но тоже ничего не добавил.

Прошло несколько минут, прежде чем разговор возобновился – теперь уже без напряжения, проще и откровеннее. Они быстро пришли к очевидному выводу: Илья тосковал по женскому вниманию.

Вектор слегка нахмурился, с недоверием качнул головой:

– Да не, бред какой-то...

Мрак, до этого момента лишь молча наблюдавший, вдруг коротко хмыкнул:

– Ты рос в Альдене.

Парень непонимающе посмотрел на него:

– И?

– Там с женщинами проблем не было.

Илья моргнул, медленно осознавая смысл услышанного, затем вдруг негромко рассмеялся и прикусил губу, понимая, насколько тот оказался прав.

В Альдене женское внимание всегда было в избытке. Ласка, тепло и простые прикосновения казались естественными – всё иначе, чем в Краегоре или Вулканисе, где царили другие правила. Здесь женщина чаще становилась союзником, врагом, партнёром, но никогда чем-то само собой разумеющимся.

– Твоё тело просто помнит, что ты мужчина, – спокойно заметила Анесса, опираясь подбородком о ладонь. – Это не значит, что мы друг другу подходим.

Вектор отвернулся, задумчиво пробарабанил пальцами по столу.

– Да уж... – пробормотал он.

Последние месяцы команда жила от рейда к рейду. Броневик стал домом, дорога – рутинной, перестрелки и сделки – привычным ритмом жизни. Дни сливались в однообразный поток, не оставляя времени и сил на что-то ещё. Мрак обходился без этого спокойно, Анесса тщательно скрывала, чего хотела, а вот Вектор...

Полгода в непрерывном напряжении, без близости, без той лёгкости, к которой привык раньше. До этого он старался прогонять пустоту, заглушать её, игнорировать. Теперь же, после прямого разговора, осознание нахлынуло внезапно и неприятно ясно.

Он задумался, неохотно перекатывая в голове новую мысль. Неприятно было признавать, однако всё это время он видел в Анессе просто женщину, доступную. Его желание не значило чего-то большего, чем стремление закрыть пустоту после Альдены.

Разговор с Мраком и Анессой помог понять. Конечно, сейчас, в пьяной дымке, Илья попытался оттолкнуть мысль, отмахнуться от неё, сделать вид, будто ничего не произошло. Но

где-то глубоко уже произошла перемена. Теперь он ясно осознавал простую истину: с Анессой ничего не выйдет.

Это понимание ударило по самолюбию, оставило горький привкус, но одновременно принесло неожиданное облегчение. Исчезла недосказанность, пропала необходимость ловить настроение, постоянно угадывать и стараться понравиться. Вектор расслабился, наконец позволив себе выдохнуть. Просто продолжить путь, зная, что рядом – свой человек. Но не больше.

Мрак сразу заметил перемену в Илье. Парень словно сбросил груз, который долго мешал думать и действовать. Напряжение, копившееся последние месяцы, исчезло, уступив место лёгкому сожалению – без надрывов и цепляний за невозможное.

Это было к лучшему.

Мрак тихо хмыкнул, осушил кружку и отставил её в сторону. Бутылка почти опустела, воздух наполнился испарением крепкой настойки, остывающего мяса, специй и едва различимым запахом плавящегося воска.

Разговор подошёл к главному.

– Ладно, – произнёс Мрак, подаваясь чуть вперёд, сцепив пальцы в замок. – Теперь твоя очередь.

Девушка моргнула, словно не сразу осознавая суть его слов. Через мгновение всё стало ясно.

– О чём? – спросила с нарочитым равнодушием, потянув время.

Мрак усмехнулся.

– Мы с Вектором о себе рассказали. Я коротко, он вообще не затыкался, расхваливая свою Альдену.

– Было дело, – пробормотал Илья беззлобно, потирая шею.

Караванщик вновь посмотрел на Анессу:

– Теперь ты.

Комната разом затихла. Анесса мгновенно поняла – это её собеседование. Мрак задавал вопросы с умыслом, верил только делам и принимал в команду лишь тех, в ком был уверен. Если он решил спросить прямо сейчас, то второго шанса не предвиделось. И единственный способ пройти это испытание – сказать правду.

Девушка не знала главного: у Мрака имелся свой пунктик. Он сблизился только с теми, кто побывал на дне, но нашёл силы выбраться, кто падал в грязь, вставал, сжав зубы, и цеплялся за жизнь до последнего. У самого мужчины таких надломов хватало – голодное детство, где каждую крошку приходилось воровать или выгрызать зубами, потеря брата, незаживающая рана, которая толкала вперёд и заставляла держаться за броневики, словно за последний рубеж перед падением обратно в тьму.

Илья, выросший в богатой Альдене, тоже оказался за бортом – там его вытолкнули на задворки, сделали лишним среди своих. Он тоже знал, что значит быть ненужным, и потому цеплялся за рейды как за единственный шанс остаться собой.

Их объединяло простое: возврата назад не было. Каждый повидал достаточно, чтобы больше никогда не вернуться туда, откуда пришёл. Караваны стали единственным путём к свободе. Деньги, товар, оружие – инструменты, которые позволяли стоять на ногах без чужой помощи.

Но Анесса... Да, в Грейвилле девушка сломалась. Там, в красных лучах заката, её прежняя личность рухнула, рассыпалась на части, оставив зияющую пустоту, в которой пришлось заново искать опору. Но этого было мало. За побегом из Краегора должно было стоять нечто большее, чем погоня за выгодой или лёгкой жизнью. Если бежала ради выживания – хорошо. Если нет – их дороги вскоре разойдутся.

Мрак отрицал полумеры.

– Почему ты ушла? – спросил он, пронзительно глядя в глаза.

Прижал вопросом к стене, без возможности уйти от ответа.

Анесса сильнее сжала пальцы на кружке, почувствовав, как под рёбрами что-то сжалось в комок. Она привыкла увиливать, менять версии, подбирать слова так, чтобы скрывать лишнее. Сейчас слова застыли в горле, отказываясь выходить наружу. Сказать правду означало сломать всё, что так тщательно выстроила за последние месяцы, сделать шаг вперёд, который мог обрушить её новый, хрупкий мир.

Хотелось уйти от вопроса, умолчать, однако Мрак не оставлял ей выбора.

Алкоголь мутил мысли, размывал границы, но вместо ожидаемой лёгкости наступила болезненная ясность. Девушка смотрела в его лицо, ощущала цепкий взгляд, и впервые честно призналась самой себе: любит этого человека. Именно сейчас, под его пронизывающим взглядом, признание становилось невыносимо страшным.

Как сказать ему правду? Как признаться, что была шлюхой?

Не по своей воле – продали, держали силой, лишили выбора и возможности уйти. Но сейчас уже без разницы, почему она там оказалась. Рано или поздно в голове Мрака неизбежно всплывёт вопрос, который возникает у каждого мужчины: сколько?

Сколько чужих рук касались кожи, сколько голосов шептали слова, сколько тел брали то, что никогда им не принадлежало?

В Альтерре к путанам относились без презрения, не считали изгоями. Но даже та, кто смогла вырваться и жить дальше, навсегда запоминала количество раз, когда её продавали как вещь.

Что, если отвернётся? Что, если доброжелательность сменится отвращением и он никогда больше не посмотрит на неё так, как смотрит сейчас? Под рёбрами болезненно сжалось, дыхание замерло, но девушка не позволила себе показать слабость.

Тем временем Вектор потерял интерес к разговору. Он захмелел, скучая, поглядывал вглубь зала, заметил девушек у стойки и коротко усмехнулся, уже думая о другом. Через мгновение парень полностью выпал из тяжёлого разговора.

Теперь они с Мраком остались один на один. Караванщик не сводил взора, смотрел пристально, без лишнего давления, но и без возможности уклониться от ответа. Между ними сгустилось молчание.

Анесса чувствовала – момент настал, единственный шанс рассказать правду. И всё же решила взять паузу. Слишком много всего навалилось сразу, перепуталось в мыслях, повисло невысказанным. Мрак ждал ответа, жёг требованием, только девушка не могла выпалить правду сразу, одним махом – хотя бы не при Илье.

Вектор отвлёкся в самый подходящий момент. Парень смотрел на девушек у стойки и явно обдумывал, как к ним подойти. Анесса чуть шевельнулась, незаметно вынула монету и щёлкнула пальцами:

– Лови.

Металл звякнул о стол и лёг в раскрытую ладонь Ильи. Парень вздрогнул, нахмурился, сжал в руке прохладный кружок и вопросительно поднял брови.

– Это ещё что?

Анесса улыбнулась легко, с едва заметной иронией:

– Плата за неудобства, которые я доставила тебе своим поведением.

Сказала спокойно, с лёгким вызовом и мягкой издёвкой. Вектор растерялся, молча переводя взгляд с монеты на девушку, пытаясь сообразить, что та задумала. Анесса не дала ему времени.

Чуть замаявшись, словно ещё колебалась, она поднялась из-за стола и направилась к стойке. Мрак промолчал, только проследил за ней, отмечая кошачью, плавную походку. Вектор ошарашенно проводил глазами её спину, снова уставился на монету в ладони и стиснул её крепче.

У стойки Анесса легко наклонилась к незнакомкам, заговорила – спокойно, непринуждённо. Девушки сразу оживились, разговор пошёл гладко, с улыбками и лёгкими, почти незаметными жестами, точно все трое говорили на своём, понятном только им языке.

Через минуту одна из них коротко засмеялась, скосив глаза, другая одобрительно улыбнулась. Илья внезапно понял, к чему это, и осознание ударило резко: напарница его «продаёт». Когда Анесса вернулась за стол, она просто пожала плечами, словно не произошло ничего особенного, и спокойно бросила:

– Девушки ждут, что их угостят.

Вектор моргнул, с трудом уловив суть фразы:

– Что?

– Парочка из промышленного района, – пояснила напарница, опускаясь обратно на стул. – Рассказами о дороге легко их впечатлишь.

Парень быстро глянул в сторону стойки, снова посмотрел на монету в ладони и непонимающе прищурился:

– Ты серьёзно сейчас?

Анесса загадочно улыбнулась, спокойно поднося кружку к губам.

Вектор кинул вопросительный взгляд на Мрака, но караванщик лишь равнодушно пожал плечами – твои проблемы, решай сам. Парень хмыкнул, ещё раз взглянул на монету и, решив больше не сопротивляться, поднялся и направился к девушкам.

Мрак молчал, его присутствие ощущалось отчётливее слов. Анесса выдохнула, и слова сорвались легко, точно лопнула струна, долго державшая прошлое.

– Меня продали.

Голос звучал ровно, холодно, вопреки хаосу внутри.

– В пятнадцать или семнадцать лет, забыла. Собственный брат отдал меня в бордель.

Молчание караванщика сделалось тяжелее, давило всё сильнее.

– Родителей похоронила раньше, а сама стала товаром. Почти десять лет принадлежала другим.

Фраза простая, короткая, а за ней зияла тёмная бездна. Пальцы чуть дрогнули, но девушка не дала себе сбиться.

– Держалась. Встретила подходящих людей, научилась давить, шантажировать, использовать чужие слабости. Так получила свободу.

Она выбросила это резко, успокаивая бешеный стук сердца в висках.

– Продолжила играть. Сделала ставку, которая оказалась слишком высокой. Перешла дорогу Бритве.

Мрак замер. Анесса не видела его лица, только ощутила, как стало холоднее.

– Бритва, барон Краегора, – добавила чуть медленнее. – Глупо и опасно, просто тогда казалось, что всё под контролем.

Глухо усмехнулась, без веселья, лишь короткий выдох.

– Пришлось бежать. Осела в Грейвилле, решила залечь на дно и почти попала в новую клетку.

Последние слова она произнесла почти неслышно, не поднимая глаз. Просто сидела, смотрела на руки, сцепленные на коленях. Затянувшееся молчание давило всё сильнее, заставляя невольно сжиматься и избегать зрительного контакта.

Анесса не увидела, как изменились глаза собеседника – нервозность последних месяцев ослабла, позволяя плечам расправиться, а в глазах мелькнула тень понимания.

Мрак снова убедился – выбрал правильно.

Сколько раз девушку предавали? Без счёта, и всё кричало об этом: как коротко, резко рассказывала свою историю, спрятав глаза, произнося слова быстро, боясь замешкаться или

передумать. Она избегала жалости, оправданий и сочувствия. Просто излагала факты, оставляя решение за ним: судить, принимать или отвернуться.

Теперь караванщик понял, почему она осталась. Девушка могла уйти, исчезнуть в любом другом городе, найти новую игру, придумать очередную роль, стать кем-то ещё. Но зацепилась за команду.

Причина была проста и страшна: эта красивая, в тусклом свете свечей почти хрупкая девушка никогда раньше не имела друзей. Не союзников или партнёров – людей, которые стояли бы рядом, прикрывая спину до конца. Впервые почувствовав уверенность в этих двоих, осознав, что можно не притворяться, вцепилась намертво. Без хитростей, манипуляций и привычных схем, заменявших раньше любые отношения. Отсутствие попыток вывернуться, обойти или сыграть ещё раз подтвердило догадку Мрака: Анесса стала своей.

Теперь оставалось решить только одно: что делать дальше? Но мог ли караванщик после всего услышанного выбросить девушку из команды?

Картина могла закончиться на этом моменте, если бы не Вектор. Парень пьяно облокотился на стол и с самодовольной улыбкой заявил, что завтра до обеда пропадёт. Мрак даже не удивился, коротко хмыкнув, когда тот заплетающимся языком попросил пару монет в долг, сразу забыв о возврате.

Возражать не стал. Если Вектор нашёл свой способ сбросить пар – пусть развлекается. Парень ловко подхватил монеты, подмигнул и, не дожидаясь замечаний, растворился среди столов, уверенно направляясь к девушкам у стойки.

Когда фигура исчезла в сумерках зала, Анесса медленно подняла голову, встретившись взглядом с Мраком. Ожидание превратилось в физическое напряжение, только в глазах караванщика не было отвращения. Он глядел спокойно и прямо, без холодной стены или прежнего недоверия.

– Вроде разобрались, – тихо произнёс он, чуть наклонив голову, принимая окончательное решение. – Можешь вложиться в броневик, сколько сочтёшь нужным.

Анесса замерла, обдумывая смысл слов. Затем, к собственному удивлению, почувствовала, как внутри отпустило, пропала старая привычка искать запасные ходы. Впервые за долгое время ей не требовалось высчитывать последствия каждого шага.

Девушка кивнула, скользнула пальцами по краю стола, закрепляя момент в памяти, и решила – ковать железо надо сейчас, пока горячо:

– Я вложу своих личных пятьдесят купюр. Этого хватит, чтобы треть машины стала моей с учётом модификаций.

Караванщик на секунду застыл, нахмурился, бросил на девушку подозрительный взгляд. Слова звучали слишком щедро, почти нелепо, он уже хотел возразить, но вовремя вспомнил, как минуту назад разрешил ей решать самой.

– Треть? – переспросил хрипло, с явным сомнением.

– Именно, – спокойно подтвердила Анесса.

– Ты точно понимаешь, о какой сумме речь?

– Ну я-то считать умею, – ехидно подколола девушка.

Мужчина засмеялся, выдохнув:

– Ладно. Твои деньги, воля твоя.

Сумма меняла планы. Вместо долгой подготовки и ожидания можно ехать на модернизацию прямо сейчас. Отрезая себе пути к отступлению, сжигая резервы, не строя обходных маршрутов, она вложится полностью – теперь было зачем.

– Когда начнём? – Анесса подняла глаза. – С учётом этих денег?

Мрак не стал раздумывать:

– Тянуть глупо. Есть горячие заказы?

– Пока нет, – она пожала плечами, стараясь говорить спокойно. – Всё интересное мы вытянули.

Он на секунду замолчал, потом посмотрел на неё чуть внимательнее, чем обычно:

– Ты поедешь с нами в Краегор?

Анесса сразу отвернулась, точно в этом взгляде было что-то опасное. Пауза растянулась, ответ прозвучал глухо:

– Нельзя.

На самом деле хотела сказать другое: да, поеду, к чёрту риск, только бы не остаться здесь одной, не провожать вас глазами, глотая чужую пыль с обочины. Но язык присох к нёбу – она понимала: если поедет, то подставит их. Мрак смотрел слишком внимательно. Она отвела взгляд, стараясь не выдать, как сильно внутри стянулся узел.

Он всё понял и произнёс мягко:

– Значит, переждёшь тут, всё будет в порядке, я договорюсь. Мы быстро, обещаю.

Анесса механически кивнула.

– Хорошо, – произнесла наконец, почти шёпотом.

Хотелось показать, что ей всё равно. Но пустота рядом с этим мужчиной казалась меньше, и сейчас девушка вдруг ощутила, как страшно вновь остаться одной.

Так закончился этот день. Мрак и Анесса разошлись по комнатам, оставляя позади странный, но необходимый вечер. Вектор пропал до утра, и никто не удивился.

Несмотря на тяжёлое решение, принятое в конце дня, впервые за долгое время сомнения развеялись – теперь они команда.

Глава 2

Крикун

Грейвилл растворился в зеркале заднего вида, но расслабляться было рано: за следующим поворотом дорогу перегородил караван, и Мрак понял это раньше, чем увидел.

Щёлкнул выстрел, Вектор пригнулся за турелью, а Мрак сбросил скорость и удержал машину от заноса. Стреляли мимо, для остратки.

Метрах в трёхстах трассу плотно перекрывала вереница грузовиков с фурами, и между ними неторопливо ходили охранники в пыльных куртках, без перекриков и сигналов. На крыше замыкающего дымилась турель, а стрелок за пулемётом стоял с пустым лицом манекена.

Илья быстро осмотрелся: редкие кусты, камни, промоины в земле – место под засаду удобное до неприличия.

Мрак стиснул челюсти и крутанул частоту.

– На связи броневик. Подходим к колонне. Кто главный?

Рация хрипнула и замолчала, Вектор медленно повёл стволом по периметру, и от того, как застывшая колонна не делала вообще ничего, по броневику расползлось ощущение неправильности.

Динамик ожил глухим усталым голосом.

– Дорога закрыта. Разворачивайтесь.

Мрак всматривался в фуры, пытаясь понять, что у них там.

– Нам в Краегор.

Шипение тянулось дольше нужного.

– Ваши проблемы.

Объясняться никто не собирался, и Мрак сжал рацию, сменив тон на тот, которым обычно успокаивал нервных заказчиков.

– Что у вас случилось? Помощь нужна?

– У вас рейд по контракту?

Ответили сразу, вопрос держали наготове.

– Частная перевозка.

– Тогда валите обратно.

У Вектора по позвоночнику прошёл холодок. Если поломка – почему перекрыли всю дорогу, а не оставили полосу? Если стычка – где следы, разбросанные вещи, обгоревший металл, кровь на песке? Охрана патрулировала периметр слаженно и молча, для каравана, застрявшего в Пустоши слишком спокойно.

– Странно это, – выдохнул Илья.

– Ага. Слезь с турели, не нервируй их.

Мрак потянулся под сиденье, достал бинокль и медленно повёл окулярами по колонне. Не Гильдия. Караванщика на нашивках не обманешь, чужие цвета и повадки он знал как свои, и на бортах поблёскивали чёрные птицы. Грифы.

– Грифы, – сказал он спокойно.

– Точно?

– Капот подняли для вида. Под фурой чисто, инструмента нет, никто под ней не лежит. Спектакль.

Вектор быстро прошёлся стволом по обочинам и серой равнине за караваном.

– Засада?

Мрак не ответил. Он смотрел уже не на колонну, а на то, что её окружало: плоская мёртвая равнина, потрескавшийся асфальт уходит за горизонт, справа высокий бархан даёт хоро-

шую тень кому угодно. Их до сих пор не расстреляли по одной причине – Грифы не знали, сколько машин стоит за оврагом и кто прикрывает броневик, и потому тянули время, прощупывали.

В обход подвеска ляжет километров через десять, стоять значило отдавать инициативу, а за спиной оставался Грейвилл, куда им хода не было.

В радиации зашуршало.

– Слыш, броневик. Ты чо там делаешь? Сколько вас?

Голос звучал нервнее прежнего, и турель на головной машине Грифов медленно, без суеты, ползла стволом в их сторону, не оставляя сомнений в направлении. Резкий манёвр назад заканчивался очередью в лоб.

Мрак перебирал варианты, не сводя глаз с колонны. Грифы либо нашли что-то такое, ради чего стоило встать посреди трассы открыто, либо везли груз, не выдерживающий лишнего внимания: рабов или что похуже. У обочины засуетились, потащили бидоны, кто-то ткнул пальцем в сторону броневика и коротко рявкнул соседу, и это было мельтешение людей, спугнутых посреди дела, которое не должен был видеть посторонний.

Что-то редкое, тянущееся из глубин Пустоши. Мрак цеплялся за обрывок памяти, который не желал подаваться, но додумать не успел, потому что воздух прорезал визг.

Высокочастотный скрежет вошёл в череп напрямую, минуя уши, и сознание провалилось куда-то вбок, под ребро. Мрак зажал ладонями виски, но вибрация шла изнутри, выкручивала их и держала плотно, не отпуская ни на секунду. Вектор согнулся в кресле и завыл, шлем съехал набок и повис бесполезный, а пальцы стрелка свело судорогой на ремне так, что тело выгнулось дугой и затряслось.

Мрак стиснул зубы, прорвался сквозь шум, нащупал рычаг, дёрнул передачу, и броневик откатился.

Когда машина потащилась прочь от колонны в сторону бархана, караванщик наконец увидел, что происходит у фур. Грифы валились без выстрелов и без рывков, оседали под собственным весом – кто у борта, кто лицом в асфальт, – а турель, секунду назад выходявшая на броневик, встала со стволом на полуповороте, и стрелка за ней уже не было.

Бархан закрыл колонну, и вой ослаб, опускаясь до тонкого писка, который тянулся откуда-то из-за песчаного склона, как звук медленно умирающего механизма, всё ещё работающего по инерции. Мрак выровнял дыхание, дождался, пока разожмутся сведённые пальцы, плавно утопил педаль, и машина пошла назад быстрее.

Вектор приходил в себя долго. Отлепился от кресла, качнулся, вспоминая, как пользоваться собственным телом, и наконец просипел в полутьме броневика:

– Что это было?

Мрак ответил не сразу. Вывел машину на ровную площадку, развернул боком к бархану и заглушил двигатель, и повисла глухая тишина, по которой только ветер шуршал песком о борт. Караванщик вытер пот со лба и коротко глянул на стрелка.

– Аномалия. Или Крикун.

– Крикун?

Имя Вектору было незнакомо, и в голосе слышалось скорее замешательство, чем настоящий испуг.

Крикуну попадались редко, в основном у внешнего края Альдены, в сырых оврагах за треугольником, где ещё цеплялась за камень мохнатая флора. Ночные твари, раздутые и уродливые, с телами, обросшими волокнистыми наростами наподобие пучков сухих корней. Откуда такой взялся здесь, на голой сухой Пустоши без единой капли воды на сотню километров, Мрак понять не мог.

– Они не живут у людей, – пробормотал Илья, выгребая из памяти чужие истории, и говорил через силу. – Свет пугает, шум бесит. А тут ни еды, ни воды, голый камень.

Мрак выдержал паузу, положил руки на руль и смотрел в сторону бархана, пытаясь разглядеть то, что лежало по ту сторону песка. По кузову тёрся песок тонкими струйками, и за этим шорохом угадывалась тишина остановленной колонны.

– Значит, его сюда занесло, – заговорил он наконец, медленно и с холодным расчётом. – Может, подранили где-то, и он ушёл умирать. Бочки, которые Грифы тащили, под фермент из его кишок. Антибиотик редкий и дорогой.

Караванщик повернулся к стрелку.

– Илья.

– Что?

– Если уйдём, оставив караван без проверки, нам конец. В любом городе сядем, и не на месяц.

Парень сглотнул, сжал губы и долго молчал, прежде чем выдать:

– Это же Грифы...

– На трассе все караваны равны, не важно, чьи нашивки. Закон смотрит, бросил ты людей или нет, остальное его не касается.

Мрак повернулся к бархану и забарабанил пальцами по рулю, глухо и неровно, и Илья, который редко такое за напарником замечал, понял, что караванщика зацепило сильнее, чем тот показывал.

– Зайдём, посмотрим. Кого можно вытащить – вытащим. Если совсем глухо – пятимся в Грейвилл. Внутрь не сунем, информацию скинем через ворота.

– А если это всё-таки Крикун?

– Да он и есть. Ближе тварь не подойдёт, надо просто пересидеть звук.

Караванщик потянул рычаг и опустил верхний люк, превращая броневику в стальную капсулу, а Вектор только поморщился, заранее представив, что их ждёт.

Они достали тряпки, оторвали воск от огарка свечи и, разогрев его в пальцах, пропитали лоскутки, чтобы плотно утрамбовать в уши. Вектор повторял за напарником молча и нервничал сильнее: слух после первого удара ещё не оправился, и каждое движение давалось с лишним напряжением.

Когда машина тронулась и вышла из тени бархана, волна ударила снова – резкий режущий визг, который вгонялся в череп раскалённым гвоздём и пытался пробиться сквозь кость. На этот раз Мрак только наклонил голову ниже и продолжал вести, а Илья зашипел сквозь зубы и вцепился в стойку панели, пережидая, пока боль из жгучей сделается терпимой.

Колонна из семи машин вытянулась вдоль дороги сломанным позвоночником. Люди в основном были живы: кто-то морщился у борта, прикрывая голову руками, кто-то полз по асфальту, цепляясь по инерции за оружие, кто-то сидел, упираясь лбом в колесо. Из броневику угадывались приглушённые крики и виделось сдавленное бормотание, за которыми разум на грани держался только потому, что человек упирался. Асфальт был усеян мокрыми пятнами разных цветов, у нескольких на лице и ушах засохла кровь тёмными корками. Лежачих без движения Мрак не насчитал.

Слева тянулась голая ровная равнина, справа громоздились барханы с оврагами и тёмными провалами пещер, и где-то там, в глубине теней, сидела тварь. Грифы, скорее всего, подошли слишком близко и решили, что добыча давно сдохла, а Крикун выставил между ними и собой звук.

Долго эту атаку никто не выдержит. Минут через десять кто-нибудь начнёт стрелять в воздух или побежит в пустошь.

Мрак откатил броневику за бархан, и в тени визг почти сразу опал до приглушённого фона. С воском в ушах слова стали бесполезны, и старший просто показал глазами на колонну: вытаскиваем. Напарник полез под сиденье, выудил моток старой верёвки и помахал им перед лицом караванщика, дождавшись короткого ответа жестом.

Они быстро навязали на верёвке петли и закрепили её на фаркопе – вышло грубо, но другого варианта таскать без выхода наружу у них не было. Поверх ушей соорудили нелепые подушки из ветоши, пропитанной воском, и обмотали ими головы и затылки так, что обоим можно было принять за пугал из тряпья, если бы рядом было кому смотреть.

Броневи́к тронулся, и верёвки поползли по асфальту, извиваясь между лежащими телами и подпрыгивая на трещинах, вслепую нащупывая того, кто ещё мог зацепиться. Вытащить было нетрудно, куда сложнее оказалось донести через жесты и пыль, что от человека требуется. Большинство не реагировало, и только когда петля скользнула по руке одного из бойцов, пальцы сами сжались на грубом узле. Мрак потянул машину дальше, тело поползло за броневиком по асфальту, и это было лучшее, что он мог сейчас показать остальным.

Дальше зашевелились те, у кого ещё работала голова. Они тянулись к петлям с залитыми кровью глазами и побелевшими костяшками, ползли, карабкались по асфальту, цеплялись за верёвку слепыми пальцами, и броневик тащил их по одному, стараясь двигаться плавно. Петли застревали в пыли, обматывались вокруг ног, терялись и снова попадали кому-то в руку, и всё шло почти на ощупь, в мутной мгле, и каждая ходка отнимала больше времени, чем предыдущая.

Те, кто оказался в герметичных капсулах броневиков, не отзывались вообще. Мрак моргнул фарами, дал короткий гудок – никакой реакции. Вектор не выдержал и дёрнулся к двери, готовый рвануть наружу, к ближайшей машине, и Мрак поймал его за плечо, сжал до боли, остановил. Покачал головой и показал рукой коротко: откроешь – срубят, и тогда вытаскивать будет некому.

Они откатились обратно за бархан, заняли прежнее место и заглушили двигатель. Металл потрескивал, остывая. Защита приглушала визг, но полностью не отсекала, и звук продолжал тихо и упрямо вытягивать из них остатки сил, пока оба сидели опустошённые и ждали, когда вернётся способность думать.

Выжившие остались лежать на дороге. Кто-то хватал ртом воздух, кто-то выплёвывал кровь вместе с кашлем, ещё несколько просто уткнулись лицом в землю и беззвучно тряслись.

Первым поднялся командир Грифов, тот самый, со шрамом через щёку, что недавно спрашивал про машины. Лицо у него было землисто-серое, губы в трещинах. Он подошёл к броневику и ударил кулаком в створку, требуя, чтобы водитель вышел, и пока напарники разматывали тряпье и выколупывали воск, командир молча ждал, пытаясь отдышаться. Когда дверь открылась, заговорил с хрипотой, как после долгой немоты:

– Боевую группу надо. Из Грейвилла. Срочно, пока светло. Иначе тварь уйдёт, и придёт Ужас Ночи.

Коса говорил твёрдо, выдавливая слова сквозь сухие трещины на губах:

– Машины бросить не можем. Там груз. Из Вулканиса в Краегор, контракт с подписью.

Ужасом Ночи на Пустоши называли всё, что выползало из песка после захода солнца, – десяток разных тварей, и на караваны они почти не лезли, но неподвижная цель с оглушёнными людьми становилась для них верной добычей. Мрак знал это не из чужих рассказов и сейчас старался лишней раз об этом не думать.

Командир сплюнул кровавой слюной, открыл дверцу броневика и без слов хлопнул Вектора по ноге, выгоняя его пересечь к пулемёту. Шрам у него на щеке шёл по диагонали грубой стянутой полосой, и за этот шрам Грифы дали ему позывной Коса.

– Гони в Грейвилл, – приказал он, не оборачиваясь. – Прямо сейчас.

Илья наклонился к нему, прищурившись:

– Спросить хотя бы думал?

Коса даже не повернул головы.

– Если караван останется, а кто-то из нас исчезнет, к утру нас или прикопают, или посадят за решётку. Моей техники нет, твоя на ходу, значит, везёшь ты.

Мрак спорить не стал, потому что спорить тут было не о чем, и броневик рванул с места так, что колёса закусил щебень и за машиной поднялся длинный шлейф пыли, разваливающий горизонт мутной полосой.

До Грейвилла дошли ровнее, чем рассчитывал караванщик: подвеска визжала на пределе, но машина держалась. На подлёте Коса связался с городом, и хрип из голоса ушёл, осталась короткая выученная дикция человека, который точно знает, что говорить в эфир.

– Это Коса, командир каравана Грифов, вышел от вас четыре часа назад. На трассе Крикун, активен. Семь машин под ударом, часть эвакуирована. Нужен боевой рейд, не меньше шести бортов, обязательно с «ушами». Подтвердите.

В Грейвилле не любили лишних расспросов, когда дело пахло сорванным контрактом, и проверять станут потом, а пока ворота распахнулись раньше, чем броневик подошёл к форпосту, и навстречу выкатилась колонна: три караванных машины с битой бронёй, кустарный БТР с живой турелью и наводчиком, у которого пальцы уже лежали на гашетке, техничка с худым фельдшером в кабине и смутно знакомой багги во главе, которая обошла Мрака на ходу и ушла вперёд. Брошенный караван в Пустоши находили быстро – рейдеры и бритвенники шли на металл и на кровь, и им было всё равно, что тащить.

Когда вышли к колонне, солнце уже завалилось к горизонту, и бойцы дождались темноты, чтобы натянуть «уши» – вакуумные наушники, глухо отрезающие любой внешний звук, – и только тогда пошли по машинам. Из бронеканул вытаскивали тех, кто ещё дышал; половина оказалась живой, контуженной и плохо соображающей, но живой, а остальных Крикун добил в герметичных коробках, где сердце или сосуды не выдержали резонанса, и двое или трое успели прислонить пистолет к виску, не дождавшись эвакуации.

Техничка встала за барханом, и фельдшер быстро проходил выживших, проверяя зрачки и пульс. Внятно отвечали ему единицы, прочие шептали странное и вздрагивали от каждого скрипа ветра по песку.

Командир огневой машины решил не ждать рассвета и убедиться, что тварь действительно ушла. По его знаку двое гранатомётчиков коротко обработали ближайшие барханы, и два глухих фугасных удара подняли в воздух тяжёлые облака песка, прокатились по пустоши и стихли, а вслед им не отозвалось ничего.

Гриффы начали собираться: технику цепляли к тягачам и строили машины в колонну, пока фельдшер монотонно осматривал последних раненых, не глядя никому в лицо. Коса торопил их сам, ходил вдоль борта и время от времени поглядывал на горизонт, потому что в Краегоре их ждали к следующему утру, а в Грейвилле, как уже передали по рации, форпост успела занять Гильдия, и встать обратно было некуда.

Мрак чувствовал под собой, как ужимаются минуты. Колонна стояла собранная, готовая рвануть, и Коса медлил уже дольше, чем требовали последние приготовления.

Тут у крупного багги Мрак заметил фигуру и узнал её раньше, чем разглядел лицо. Кляп стоял в стороне от своих, в тех же перчатках без пальцев и с той же сальной ухмылкой, с какой когда-то говорил Анессе «цени время». Глаза у них сошлись на секунду, и Кляп едва заметно прищурился, не отводя взгляда.

Караванщик быстро обвёл лагерь взором и Вектора не нашёл. Тот, как выяснилось через мгновение, спокойно болтал у технички с кем-то из бойцов, не понимая, в каком моменте сейчас находится; Мрак рявкнул его имя и пошёл к нему через толпу.

Боевик зашёл в спину естественно, почти случайно, под прикрытием толкотни, где никто по сторонам не смотрел. В руке у него блеснул складной нож, удобный для тесной работы, и удар пошёл снизу вверх, в печень, без замаха.

Тело сработало раньше головы. Мрак вывернул корпус, увёл плечо, и клинок прошёл вскользь, распоров куртку и кожу по боку, а в следующую секунду пальцы караванщика уже

держали запястье нападавшего, и сам убийца впервые за вечер не улыбался. Мрак молчал, стиснув зубы.

Боевик медленно разжал ладонь. Нож звякнул о камень, лёг в пыль, и несколько голов в кругу повернулись на звук.

– Он на меня напал! – крикнул убийца, отступая на шаг. – Держите его!

Двое из группы Кляпа кинулись на Мрака, ещё двое уронили Вектора лицом в песок и заломили руки, а караванщику в грудь смотрели стволы. В кругу стало тихо тем особым молчанием людей, которые понимают, что сейчас будет лишняя кровь, и предпочли бы её не видеть.

Мрак стоял неподвижно и видел, что нажимать не хочет никто.

– Чем напал-то?

Коса вошёл в свет неспешно, без рывков, оглядел Мрака, скользнул по Вектору в песке и остановился на боевике с поднятым ножом.

– Вот этим. – боевик из группы Кляпа протянул клинок командиру рейда.

Коса принял оружие, повертел в пальцах и шагнул к караванщику.

– Свой покажи.

Мрак откинул полу куртки. На бедре висел тяжёлый клинок с насечкой на гарде, и с тем, что Коса держал в руках, у него не было ничего общего. Командир хмыкнул без удивления и снова занялся ножом боевика, поворачивая его задумчиво.

– Слышь, Коса. – Кляп лениво подал голос и шагнул ближе. – Отдай мне обоих. Доставлю в Грейвилл, там разберутся.

Сказал он это ровно, спрятав насмешку в самый край интонации, но её всё равно слышали все.

Коса смотрел на него долго.

– На проверку, значит.

– Ну да, чего церемониться.

Коса ещё секунду колебался, переводя тяжёлый взгляд с Мрака на Кляпа. Он знал, как легко здесь вспыхивают конфликты, и прекрасно понимал, чем чревата любая ошибка. Но сомнения быстро развеялись – слишком свежо было в памяти, как именно вёл себя этот караванщик. Он рисковал собой ради Грифов, и Коса не верил, что тот теперь стал бы устраивать бессмысленную поножовщину.

– Нет. Караванщик только что лазил за нашими по трассе. Не похоже, чтобы он ради вашего ножа полез в драку.

Сказано было так, что оспаривать не нашлось желающих, и Коса чуть повысил голос, чтобы дошло до всех:

– Чтoб больше ничего не вылезло, все по машинам, прямо сейчас. Возвращаемся в Грейвилл. Караванщик с напарником идут авангардом, с нами.

У Кляпа на скулах коротко прошла дрожь. Он перетоптался, шумно потянул носом воздух и отступил на шаг, потому что приказ командира рейда в Пустоши не оспаривают, но, уже разворачиваясь, задержался на полуобороте, поднял руку и медленно провёл большим пальцем поперёк горла, не сводя глаз с караванщика.

Дальше рейд шёл тихо, без сюрпризов. Колонна держалась плотно, Мрак с Вектором катились впереди, как и полагается авангарду, и удача была на их стороне: подвеска у броневика дотягивала на последнем издыхании, и в случае поломки без буксира они застряли бы посреди пустоши, а так за ними шла вся техника Косы.

В Раннее, последнем форпосте перед Краегором, командир сам подошёл к броневнику и постучал в дверь. Когда Мрак её открыл, Коса сунул внутрь увесистый мешок, в котором ощутимо звенел металл.

– За глаза, уши и за то, что вытащили. Не в долг.

Караванщик принял молча.

Ночь колонна провела на укрепленном форпосте у границы пустынной зоны, где обычно становились на ночлег, и Коса оплатил места и харчи не только своим, но и экипажу броневика, заказал горячий гуляш и пару бутылок местного слабого пойла – без жестов.

К утру дорога под колёсами стала твёрже, а на подъезде к Краегору и вовсе легла нормальным полотном до самых стен. Когда впереди проступили серые контуры города, в рации щёлкнуло:

– Авангард, до места дотащили. Дальше сами, можете уходить с маршрута.

Мрак выдержал паузу.

– Понял. Доведём до ворот. Удачи.

– Вам она нужнее.

Глава 3

Краегор

Первым делом Мрак прошёлся по Шлюзу: вопрос с защитой нужно было решать быстро, потому что броневик без прикрытия в доках неизбежно притянул бы и проблемы, и лишние вопросы.

Жорик вспомнился почти сразу. Пересекались раньше, пару раз обменивались фразами, да и слухи о нём ходили приличные: местный авторитет средней руки, жестковатый, но слово держал и лишнего не просил. Караванщик оставил задаток и купил себе спокойствие хотя бы на первое время, так что мелкие неприятности броневнику больше не грозили.

С мастерской оказалось сложнее. Всё толковое было занято, а свободные помещения либо разваливались на глазах, либо выглядели так заброшенно, что проще было пройти мимо.

Мрак быстро понял, что надо идти к «мужикам». Так в Краегоре называли работяг, которые держали город на спине, пока блатота жрала, грабила и палила друг в друга; мужики крутили гайки по ангарам, во дворах и наскоро сколоченных временках, иной раз вчетвером на один сварочник под потрескавшимся бетонным козырьком.

Крыша у них была баронская. Кто отказывался платить, сначала получал аккуратное предупреждение, потом лёгкий ушиб, а потом синяк под глазом у кого-то из близких. Рабочих бароны убивать не любили, но урок преподать могли без колебаний.

Разговаривать приходилось осторожно. Под подкладкой куртки лежали больше сорока купюр, огромные деньги для Краегора, и стоило пустить слух о таких бабках, как через минуту от человека остались бы только дым да пятна крови. Поэтому караванщик платил мелко, почти незаметно: жетоны парами, изредка монету, ровно столько, чтобы человек начал говорить.

Очередная наводка привела его к ангару, где трое работяг – двое в масках, третий с перебинтованной рукой – копались во вскрытом движке.

- Мастер нужен. Подвеска боевая, карго-броня, модификация усиленная.
- Для кого? – спросил один, даже головы не подняв.
- Для меня.
- Деньги есть?
- За наводку получишь пару жетонов.

Потёртые овалы тихо звякнули о металл, и только после этого рабочий поднял голову, оценивающе осмотрел Мрака, прикидывая, к кому послать, а потом дёрнул подбородком в сторону пролома между ангарами:

- Там ищи. В «Трубе». Спроси Шило.

Мрак молча двинулся дальше.

«Труба» полностью оправдывала название. Огромный цилиндр, вырванный когда-то из нутра техногиганта, валялся среди бетонных развалин и служил ремонтным доком; внутри пахло горелым маслом и прогорклой пылью, железо скрипело под ногами, а с потолка сочилась густая чёрная жижа, оставляя потёки на стенах и полу. Из оборудования – жалкий подъёмник, пара древних станков и груды поломанного инструмента.

Караванщик остановился у входа и долго хмурился, прикидывая, стоит ли связываться.

Из глубины вышел мужик: высокий, жилистый, со щетиной, уже тронутый сединой. Пальцы кривые, обожжённые десятками сварочных вспышек, в одной руке маска, на поясе потёртый разводной ключ.

- Шило, – представился он коротко.
- Машина есть. Работы много, – ответил Мрак.

Шило двинулся к броневнику, не отвечая, и осмотр занял минут двадцать: мастер щупал, мял, проверял узлы, металл, износ, и за всё это время не сказал ни слова. Закончив, указал на кабину, забрался внутрь и сел.

– Подвеску менять полностью. Тут ремонтом уже ничего не решишь, модернизация от днища до крыши, – сказал он, вытирая руки об штаны. – Боевой отсек расширяем, бронепластины удлиняем.

– Да.

– Колёса, широкая база, арки вырезать и ставить заново.

– Ага.

– Башня, пулемёт менять будем. Какое крепление ставить?

– Девятку. Но чтобы крепления тянули двенашку.

– Всё?

– Барабанный гранатомёт на морду и рукояти внутрь, для стрельбы из кабины.

Шило положил руки на колени, и лицо у него стало жёстким.

– Это уже переделка под войну.

– Знаю.

– Зачем тебе это, спрашивать не стану. Только здесь у меня не оружейная палата: половина станков дохлая, резка идёт криво, токарка вообще без точности. Под такой заказ нужно оборудование у половины города арендовать – подъёмники, пресс, раскатку, сварку поновее. Мозгов, может, и хватит, а вот железа нет.

Мрак молча достал монету, положил на приборку. Потом вторую.

– Делаем.

– Сколько таких монет у тебя?

– Достаточно.

– Если в Краегоре хоть кто-то узнает, что у тебя «достаточно», проживёшь секунд десять, – тихо сказал Шило. – С таким заказом и с такой бронёй без крыши ходить нельзя.

– У меня договор с Жориком.

– Ну, допустим. – Шило поднялся. – Цену потом назову. Сейчас пойду выясню, согласятся ли сдать станки. В городе какой-то странный ажиотаж на ремонт, все мастерские забиты.

Караванщик поморщился.

– Уже заметил. Если что, доплачу. Главное – чтобы работа была сделана.

Мастер хлопнул дверью и пропал в шуме Краегора, а вернулся к вечеру, усталый, но довольный. Договорился, кого надо нашёл; часть оборудования взял в аренду, часть по старой дружбе, остальное под честное слово с обещанием рассчитаться к концу месяца.

– Работы тут недели на три минимум, – сказал он, забираясь в кабину. – Оно даже к лучшему. Ближайший месяц-два ни я, ни мои ребята не будем ломать голову, чем кормить детей и что отдавать блатным. Удача для нас обоих.

О цене договорились пока на глазок. Шило сразу разложил, какие детали купит сам, объяснил маржу и почему берёт именно столько.

– Я не барыга, – спокойно сказал он. – С каждой детали забираю немного, на случай если что-то пойдёт наперекосяк.

– Понятно. Лишь бы честно.

– У нас нормально.

Шло гладко, пока дело касалось обычных запчастей, но на боевой части всё упёрлось: усиленные амортизаторы и стабилизаторы нижнего хода с бронеобвязкой в Шлюзе просто так не валяются.

– Одно ржавьё вокруг, – вздохнул Шило. – Подвеска такого уровня – это на завод идти надо, к людям Карша.

– Кто такой?

– Барон, держит заводы. Производство его, так что договариваться придётся с его пешками. Сколько возьмут – понятия не имею. Может, нормально, а может содрать всё до последней монеты.

Мрак помолчал, потом спросил:

– А остальное?

– Сам найду. Чем меньше ты светишься, тем лучше.

Ударили по рукам.

Броневику Шило аккуратно перегибал в глубину ангара, под полуразрушенный купол «Трубы», куда солнце даже в полдень почти не добивало, и внутри было прохладно и тихо, почти безопасно, насколько это вообще возможно в Краегоре.

Караванщик уходить не спешил. Прошёлся по ангару медленно, осмотрел подъёмник, инструмент, оборудование, заглянул в каждый угол, в подсобку, в заброшенную кабину крана, а потом так же внимательно оглядел самих мужиков: кто как держится, куда смотрит, почему молчит.

Шило не возражал, и так понимая, что, если с броневику что-то случится, этот бывший бандит найдёт каждого. Одного из парней Жорика оставили у машины посменно, кто-то всегда дежурил рядом, потому что простую вещь Мрак усвоил давно: сккупым можно побыть только один раз в жизни.

По большому счёту, на сегодня дела были закончены. Броневику в ангаре, работа пошла, договорённости держатся, пускай и на понятиях, а не на бумаге. Захотел бы Жорик кинуть, Мрак получил бы трубой по голове ещё до расчёта, но беспределить сейчас смысла нет: выгоднее играть честно. И выгода была реальная, потому что в Вулканисе подобная переделка обошлась бы втрое дороже, а здесь выходило почти по себестоимости – запчасти рядом, сборка за стеной, сварка через два квартала.

К вечеру сняли мотель недалеко от Шлюза. На хоромы он не тянул, но дверь запиралась, а койки стояли без торчащих пружин, так что жить можно.

Мрак планировал утром идти на завод, договариваться насчёт брони и подвески; дело серьёзное, требовало внимания. А вот Илья себе места найти не мог – дорога вымотала его, но вместо сна пришло лёгкое возбуждение и внутренний зуд. Он поёрзал на койке, вытянул шею и осторожно спросил:

– Слушай, тут вообще... есть чем заняться вечером? Ну там, погулять, девчонки, может?..

Напарник, разминая затёкшее плечо, усмехнулся: всё понял с первого слова.

– Есть тут вариант один, вполне нормальный, бордель называется. А клеить на улице даже не думай.

– Это почему ещё?

– Любая свободная девчонка здесь – бандитская девчонка, любая занятая – уже чья-то. А чужое трогать в Краегоре означает наутро лечь в гроб с бесплатной доставкой до могилы. Дошло?

– Понял... – Илья отвёл глаза, покраснел и замолчал.

Видно было, что хочет, и хочет сильно: руки нервно тёрли колени, сам ёрзал, но сказать прямо не решался. Мрак это прекрасно видел, однако смеяться и подтрунивать не стал.

– Бордель – заведение как заведение. Обычное. Сразу ясно, кого предлагают и сколько стоит.

– Ага, – пробормотал Вектор и сглотнул.

В итоге юноша остался, сказал только: «Осмотрю пару дней». Признаваться он ни в чём не стал, да и так всё было ясно. Цены в шлюзовом борделе кусались, а идти вглубь города он пока не решался.

Утро выдалось тяжёлое и липкое. Воздух Краегора был пропитан гарью и сыростью металла, давил на плечи, оседал на коже тонким налётом тревоги.

Мрак шагал спокойно, без тени сомнения, хотя Илья понимал, что никакой это не обычный поход за запчастями. Соватьсь без подготовки к людям Карша было всё равно что махать сырым мясом перед голодной стаей: весело, но недолго. Напарник говорил мало, по делу:

– Здесь всё держится на иерархии. Свои, чужие, кланы, масть, крыша. Чужак молчит и платит. Если связей нет, лучше вообще не отсвечивать. – Краем глаза глянул на Илью и добавил: – Ты из Альдены, приехал за деталями. Я твой телохранитель, в чужие дела не лезу. Если начнут задавать вопросы, говори коротко: «Ищу детали». Без подробностей.

Вектор молча согласился. Мрак повесил ему на пояс кошелёк, нарочно на виду, чуть сбоку, как обычно носят приезжие альденцы. В Краегоре это был знак: человек новый, при деньгах, пока не козлит – трогать незачем, потому что этот человек привёз деньги в их город. Здесь странно уживались бандитский уклад и общее понимание, что, если начать щипать каждого иноземца, жрать будет нечего всем. Правда, большие деньги на кармане в эти правила уже не вписывались.

Для таких, как Илья, в Краегоре было два пути. Первый – через «решал» из Путей: логисты, караванщики, клановые люди, у которых можно купить что угодно, хоть реактор, только дорого и через кучу посредников, и каждый возьмёт процент за свои слова. Второй – рынок: грязный, шумный, дикий, где все говорят полунамёками, кличками и связями, и надо уметь правильно спросить и вовремя замолчать.

Выбрали рынок, потому что ни времени, ни желания кормить посредников не было. Мрак шёл как на прогулку, шаг уверенный, лицо спокойное, а Илья держался на полшага позади, впитывая настроение города.

Рынок встретил шумной волной: звон металла, крики торговцев, визг пилы, грохот и ругань. Палатки и навесы из брезента, груды запчастей на палетах, детали, оружие и патроны навалом, всё на продажу. Чужое внимание Вектор поймал сразу, цепкое и прицельное, с холодным интересом к каждому его движению, и стоило им шагнуть глубже, как Краегор принялся изучать их медленно, не упуская ни единого жеста.

Мрак шёл плечом к плечу с Ильёй, рассматривал прилавки, отмечал лица, запоминал вывески, но мыслями был уже далеко. Постепенно в голове всплывал прежний Краегор – тени на бетонных стенах, запах горелой солярки и железное эхо улиц; старые ощущения пробуждались медленно, и город сам отодвигал засовы памяти. Пятнадцать лет Мрак не заходил дальше Шлюза, и теперь воспоминания накатили приливом, а перемены внутри себя он почти не замечал, потому что происходило это исподволь, мягко. С тех пор как появился Илья, в нём что-то сдвинулось.

Когда-то давно, сбегая из Краегора, Мрак намертво запечатал в себе всё живое – ярость, боль, обиду на себя, на погибших, на выживших – и закрыл так прочно, что сам поверил в собственную нерушимость.

Три печати: отстранённость, расчёт, контроль. С ними он прошёл через рейды, перестрелки и предательства, видел каждую обочину и кровавые пятна пустошей, выжил и двигался вперёд, стиснув зубы, лишив себя права на слабость.

Но появился Илья, и первая печать дрогнула. Поначалу всё выглядело обычно – ещё один новичок, очередной упрямый и наивный до глупости мальчишка, – и очень скоро стало ясно, что Вектор совсем не очередной попутчик. Он слишком сильно напоминал брата, и дело было даже не во внешности, а в поступках, в манере держать оружие, в словах, которые вылетали именно тогда, когда лучше было молчать, в упрямой решимости там, где разум подсказывал бежать.

Оставаться в стороне уже не получалось. Короткими командами и сухими приказами было не обойтись, пришлось объяснять, учить, спорить, заставлять думать. А потом погру-

жаться в гнилую бюрократию Вулканиса, разбираться с бумажной чумой Гильдии, добывать лицензии и разрешения, мотаться по грязным кварталам и выцарапывать Илью из кабалы стоков, куда тот влез по злему року. Мрак делал это на автомате, из чувства долга, но прежняя отстранённость к тому времени была сломана окончательно.

Вторая печать, расчёт, рухнула в Грейвилле. Обстоятельства, которые накануне казались невозможными, смели её без остатка, и караванщик без колебаний выбрал путь, который сам ещё недавно назвал бы безумием или чужой слабостью.

Анессу вытащили прямо из лап Кляпа, сняли с грязного крюка его похоти. По всем негласным правилам Пустоши, по логике людей дороги, которую вдалбливали с первого рейда, ответ был один: девушку забирать нельзя ни за деньги, ни по-честному, никак, если планируешь гонять по маршруту дальше. Связаться с боевым крылом, пускай и бывшим, – почти самоубийство; угроза была реальной, расплата висела над головой тяжёлым топором, готовым рухнуть в любой момент. Мрак ощущал это каждой жилой и понимал лучше других, на что идёт. И всё равно забрал её.

Останься первая печать целой, он бы прошёл мимо, даже шага не замедлив, спокойно увёл бы Вектора со словами «это не наше дело» и к вечеру забыл бы Анессу. Это был бы расчёт – холодный, надёжный, правильный. Но срезать путь, обойти гнилые истории, сохранить старые связи и избежать расплаты за решения, рождённые глубже разума, – на это его уже не хватило.

Теперь две печати из трёх были сорваны, и человек, которого он видел в зеркале, отличался от прежнего «Мрачного Парня», которого знали задолго до того, как имя сократилось до простого «Мрак».

Караванщик смутно замечал, что в запертой клетке, где годами тихо лежали эмоции, давно жил зверь. Похожий на того, о котором рассказывают сказки для детей, – неистовый, безумный, рвущийся на волю и скалящий клыки во тьме. Только этот был другим: спокойный, терпеливый, осторожный. Он не метался в душе караванщика и не бился о прутья, не был в бессильной злобе, потому что слишком напоминал самого Мрака – умного и холодного. Он ждал. Ждал, когда печати ослабнут и треснут одна за другой, когда падут все замки и заслоны и останется только он и дверь, за которой больше никого нет.

Когда возникала нужда, демон спокойно делился силой, без условий и без платы. Ничего не просил взамен и даже не напоминал о себе, просто был рядом и действовал: в перестрелках собирал внимание в тонкую ледяную иглу, стирал шум и страх, оставляя только цели и ясность, а в ближнем бою наполнял тело силой и заставлял вставать даже тогда, когда мышцы уже отказывали. Подчинялся он добровольно и считал это правильным, как пёс у порога, который лежит на месте по собственной воле.

За годы этого негласного союза Мрак привык к монстру внутри, перестал замечать его отдельно от себя, слился с ним воедино, забыв, что когда-то было иначе. Потом появился Вектор, вслед за ним Анесса, и жизнь начала меняться постепенно, как вода, медленно скользящая по трещинам в камне. Вектор со своей наивностью, упрямством и болезненной похожестью на того, кто давно мёртв; Анесса, сложная и опасная, поначалу совершенно чужая, внезапно ставшая ближе, чем он мог себе позволить. Мрак начал говорить, спорить, прислушиваться к чужим словам, начал делать вещи, которые прежде казались ненужными, и люди постепенно заполняли его внутренний мир, вытесняя зверя глубже, в темноту.

Но демон остался. Ждал спокойно и терпеливо, без воя и попыток вырваться, просто смотрел в одну точку – на последнюю уцелевшую печать.

Контроль. Она осталась одна, и монстр уже ни на что другое не отвлекался, приближая тот самый миг, когда сможет выйти на волю полноправным хозяином. Только произошло всё совсем иначе, чем он представлял: печать треснула сразу, резко и внезапно, и хватило одного взгляда, одного шага, случайной встречи.

Появился Ворон. Убийца брата, тот, кто превратил Мрака в того, кем он стал, чьё лицо приходило в кошмарах даже спустя годы. Последняя печать сторела мгновенно, рассыпалась пеплом, которого уже не собрать.

Явился он без шума, без выстрелов и сирен, просто вошёл на рынок, и всё сразу изменилось. Толпа замирала постепенно: кто-то по инерции ещё кричал о скидках, кто-то тянул цепь с товаром, но напряжение уже ползло между рядами, как давление перед грозой. Торговцы дальнего края без лишних слов сворачивали тенты, некоторые быстро собрали вещи и тихо исчезли в переулках, а в воздухе проскользнуло: «Проверка», и где-то прозвучало еле слышное: «Смотрящий».

И смотрел он по-настоящему. Высокий, худощавый, с лицом, похожим на старое лезвие, узким, сточенным годами; крючковатый нос, впалые скулы, глаза чёрные, цепкие, лишённые сомнений или жалости. Аккуратная стрижка, строгий вид чиновника: чёрное пальто с высоким воротником, чёрный жилет, серая рубашка, рукава закатаны до локтя, чтобы каждый видел былое. Пальцы унизаны перстнями, на руках старые потёртые партаки, знакомые каждому, кто хоть раз крутился при делах: паук, ползущий вверх, карты, оскал, облако.

Шёл он спокойно, глядя прямо перед собой, будто окружение – дешёвые декорации, выстроенные только для него и исчезающие, как только он пройдёт. За ним шли трое – близко, уверенно, с холодными пустыми лицами. Быки. Один держал электрошокер, другой короткую дубинку, а третий шёл с пустыми руками и выглядел страшнее остальных.

Рынок расступался сам, без команд, по старому звериному инстинкту. Рабочий замешкался, вовремя глаза не отвёл и тут же получил под дых; другой промедлил с тележкой и заработал два резких удара. Ворон даже не остановился, только чуть повернул голову и ткнул пальцем, и большего не требовалось.

Мрак стоял неподвижно, ноги вросли в бетонные плиты рынка. Ворон приближался медленно и уверенно, ровными шагами разрезая толпу, ни разу не повернув головы и ни на миг не ускорив движения, и чем ближе подходил, тем отчётливее проступали черты, холодные, заострённые временем. За несколько шагов до Мрака авторитет вдруг остановился, что-то почувствовал и повернул голову. Их глаза встретились.

Для Мрака этот миг оказался сильнее удара: сознание вспыхнуло, выдернув из памяти ночь, побег, кровь брата. Перед ним стоял Ворон, живой и спокойный, всё такой же худощавый, с теми же тёмными глазами, в которых ничего, кроме ледяного холода, только одежда стала дороже, а шаг увереннее. Смотрел он прямо на Мрака без тени узнавания, без подозрения и интереса, разглядывал как случайного человека из толпы, чьи глаза задержались дольше положенного. Лишь едва заметная гримаса мелькнула в уголке губ – безгловость, тихое раздражение.

Вектор рядом ощутил, как пространство натянулось перед разрядом. Он видел, что толпа расступается, торговцы опускают глаза, охрана изучает каждое движение, и понятия не имел, кто этот человек, но понимал ясно: глядеть ему в лицо опасно. А Мрак продолжал смотреть, не отрываясь. Вектор осторожно дёрнул его за локоть и прошептал:

– Эй, прекрати. Ты чего...

Караванщик не слышал, впился в цель намертво, как вбитый в древесину клин. Парень понял, что они слишком близко к краю, ещё миг – и их втянет в такое, откуда уже не выбраться, размахнулся и резко ударил локтем под рёбра, чтобы привести напарника в чувство.

Мрак вздрогнул, резко втянул воздух и оторвался от Ворона. Связь прервалась, напряжение тут же ушло. Авторитет заметил короткий удар, и всё сразу встало на места: один из мужиков забыл правила и получил от соседа по заслугам, а здесь такое бывает часто. Отвернулся, шагнул вперёд, потерялся за стеной охраны и вскоре исчез из виду.

Караванщик медленно выдохнул, едва слышно. Последняя печать исчезла.

Если бы Мрак заранее знал о встрече, о том, что придётся снова взглянуть Ворону в глаза, печать, возможно, выдержала бы: он успел бы подготовиться, собрать мысли в кулак, выставить любую защиту, и зверь остался бы внутри, смиренно дожидаясь своего часа за прутьями клетки. Но всё случилось без предупреждения, и этого оказалось достаточно. Шаг за шагом монстр покинул заточение, зная, что у хозяина уже не хватит сил загнать его обратно. Он больше не был пленником; теперь демон шёл завоевателем, раздвигая когтями осколки сломанных замков, ступая по тонкой нити памяти, прислушиваясь к глубокой дрожи в костях.

В глазах Мрака тем временем разгоралась ледяная ярость, молчаливая и безжалостная. Зрачки сузились, дыхание стало ровным и редким, он стоял, глядя сквозь пространство, а внутри уже вспыхивал старый пепел, который казался остывшим навсегда. Вектор уловил это первым – воздух рядом сгустился, будто к ним подошёл кто-то другой, слишком тихий и слишком тяжёлый. Илья не понимал, что именно происходит, но нутром угадывал: ещё немного – и случится непоправимое.

– Пошли, – тихо сказал он и осторожно взял Мрака за локоть. – Нам надо уйти. Прямо сейчас.

Мрак не сопротивлялся, но двигался медленно, тяжело, а разум уже уходил куда-то глубоко вниз, в темноту, где зверь спокойно осваивался, занимая пространство и постепенно заполняя собой всё сознание.

Они дошли до мотеля. Узкий коридор, скрипучая дверь, сумрак комнаты. Мрак вошёл внутрь на последней капле собственного контроля, но когда дверь за ними закрылась, наружу поднялся другой человек. Не тот, с которым Илья говорил у броневика, ел и спал, кто прикрывал спину в Пустошах и спорил в ангарах. Кто-то чужой, кого Вектор впервые не узнал.

Караванщик сидел на краю койки – спина прямая, плечи сведены. Тусклый свет лампы над дверью пробивался через комнату и отбрасывал на стену плотную неподвижную тень, будто живущую отдельно от тела. Мрак почти не дышал и не двигался, а глаза его стали другими: из них исчезло всё знакомое – сдержанность, усталость, привычный анализ, даже человечность.

Парень хотел выдавить из себя хотя бы слово:

– Ты как?.. Всё нормально?

Голос повис в воздухе, наткнулся на пустоту и упал. Пятнадцать минут молчания, и каждая забивала гвоздь в гроб их команды; Вектор ощущал, как стены медленно сжимают пространство, а внимание само собой возвращается к неподвижному силуэту на кровати.

Потом напарник встал, будто внутри сработал сигнал, натянул куртку, застегнул молча и без лишних движений, шагнул к двери, открыл и вышел. Илья остался сидеть с рваным ритмом сердца. Он ждал, что караванщик вернётся, объяснит, произнесёт хоть что-то, но минуты уходили одна за другой, а комната оставалась пуста. Парень подошёл к окну, выглянул в тёмный коридор, прислушался – тишина. Прошло ещё немного времени, и его накрыло понимание: он ушёл совсем.

Вектор выскочил из комнаты, перескочил ступеньки, толкнул дверь и вырвался на улицу. Напарника нигде не было. Постоял, оглядываясь, и вдруг осознал, что понятия не имеет, куда идти и где искать; сердце забилось чаще, в висках застучала кровь, руки сами сжались в кулаки. Он вернулся в номер потерянный, без малейшего представления, что делать дальше.

Полдень в Краегоре тянулся мучительно. Город сам устал от жары и грязи, но упрямо продолжал жить по привычке: улицы гудели, вибрируя от сварки и дребезга металла, люди двигались медленно и тяжело, а Илья всё ещё сидел в мотеле. Пытался отвлечься полезными делами – подлатал одежду, прикинул, какие детали и сколько нужно докупить, – но всё валилось из рук.

Часы давно перевалили за полночь, когда дверь скрипнула. Мрак вошёл тихо, буднично, и парень поднялся с кресла, сам не зная, с какой интонацией задавать вопросы. Напарник

выглядел помятым: куртка застёгнута криво, на скуле тонкий порез с запёкшейся кровью, губы сухие и потрескавшиеся. Он сел на край кровати, глядя мимо Вектора.

– Куда ты пропал? Что это вообще было? – выдавил Илья, с трудом удерживая голос ровным.

Караванщик молчал, глядя в пол, потом медленно провёл пальцами по щеке и хрипло ответил:

– Дела. Здесь.

– Какие ещё дела? – юноша шагнул ближе, уже не скрывая ни раздражения, ни беспокойства.

Напарник поднял глаза и посмотрел прямо сквозь Вектора, куда-то глубже, внутрь себя.

– Старые.

Вектор замолчал – готовые сорваться с губ фразы вдруг стали лишними. Мрак лёг на спину и закрыл глаза, тяжело втянув воздух, а Илья постоял возле кровати ещё немного, потом отошёл к окну и отвернулся.

Ночь отступила медленно, оставив глухую боль в висках и сухой привкус во рту. Сквозь щели ставней пробивался мутный рассвет, улицы просыпались нехотя, наполняясь звоном металла, приглушёнными голосами и тяжёлыми шагами прохожих.

Вектор не решался подходить сразу. Несколько минут наблюдал за напарником издалека, стараясь уловить хоть малейшее движение, знак того, что можно заговорить, потом сделал осторожный шаг вперёд, ещё один и тихо произнёс:

– Скажешь хоть что-нибудь?

Ответа не последовало, караванщик остался неподвижен, а вместо ответа молча поднялся с кровати, накинул куртку и двинулся к двери.

– Ты снова уходишь? – спросил Илья, ощущая, как внутри поднимается раздражение пополам с тревогой. – Ты хотя бы скажи...

– Меня не жди, – ответил Мрак ровным, лишённым эмоций голосом и потянул дверь на себя.

Но если вчера парень смолчал, то сегодня был настроен иначе.

– Стой, нет! – резко сказал он и одним движением схватил Мрака за плечо, вцепившись пальцами в кожу куртки.

Под ладонью он ощутил жёсткие мышцы, напряжённые, как натянутые тросы, но напарник не шелохнулся. Илья шагнул ещё ближе, пытаясь поймать его глаза, и заговорил тихо, сдавленно, сквозь злость:

– Хрен его знает, во что именно ты тут ввязался. Но вижу, что лезешь прямо в пекло. У нас броневик, детали, работа, которую нужно закончить. У тебя с собой деньги. Хотя бы их оставь.

Сказал уверенно и жёстко, не скрывая ни раздражения, ни тревоги; деталей он не знал, но чувствовал, что сейчас от его слов зависит многое.

Караванщик посмотрел на него коротко, всего на мгновение, и в глубине мелькнуло что-то похожее на старую, давно спрятанную боль, может, сожаление, а может, неявное уважение, и Вектор не успел разобрать. Мрак молча вытащил из внутреннего кармана плотный свёрток, набитый купюрами и монетами, сунул Илье в руки, потом повернулся, открыл дверь и вышел в коридор, не произнеся больше ни слова. Шаги мгновенно стихли.

Илья остался стоять посреди комнаты, сжимая свёрток, и понимание приходило медленно: напарник, возможно, ушёл надолго, а может, вовсе не вернётся.

– Ну и говно, – раздражённо бормотал парень, пытаясь пришить потайной карман к внутренней подкладке комбинезона. Игла упрямо отказывалась прокалывать грубую ткань, пальцы дрожали от усталости и напряжения, нитка постоянно путалась, превращая работу в пытку. – Просто сраное говно.

Он сидел на краю кровати, сгорбившись над одеждой и негромко ругаясь себе под нос. Деньги, отданные напарником, теперь были на нём – почти сорок купюр, огромная сумма для Краегора; таких денег хватило бы на найм небольшого каравана, но хватило бы и на то, чтобы быстро и бесшумно лишиться жизни.

– Понятия не имею, куда ты влез, – устало сказал Илья в пустоту, завязывая узел на нитке, – но деньги я точно не просру.

Закончив с карманом, он внимательно проверил шов, спрятал свёрток поглубже и убедился, что снаружи его заметить сложно. Потом поднялся, прошёлся по комнате и подошёл к окну, вглядываясь в пыльную дымку улиц. Над рынком всё так же клубилась грязная пелена, где-то далеко визжала пила, мелькали силуэты рабочих; всё выглядело как обычно, только время тянулось невыносимо.

– Ладно, – негромко произнёс он, пытаясь убедить самого себя. – Подожду ещё сутки.

Караванщик не вернулся ни ночью, ни утром следующего дня. Доски в коридоре мотеля молчали, дверь оставалась закрытой. День прошёл в тяжёлом ожидании – солнце поднялось и снова закатилось за горизонт, а пустота в комнате давила всё сильнее.

Илья проснулся следующим утром с холодом в животе, отчётливо понимая, что всё зашло слишком далеко.

«Трындец. По-настоящему», – подумал он.

Глава 4

Перо

Ещё сутки прошли в тягостном заточении. Парень почти не покидал комнату, выходил только в нужник и за едой, избегая разговоров и чужого внимания, и маленький пыльный номер мотеля постепенно превратился в тюрьму. Вектор уже не прятался – отсчитывал дни в ожидании приговора.

На третье утро юноша встал с тяжёлым осознанием того, что ждать больше бессмысленно. Одежда, плотно затянул ремень, ещё раз проверил внутренний карман с деньгами – всё на месте, – глубоко вздохнул и наконец принял решение, которого больше было не избежать.

Илья ходил по рынку, осторожно задавал вопросы, подходил к лавкам, заглядывал в тёмные ангары, стараясь выглядеть спокойным и вежливым, и чем больше спрашивал, тем сильнее ощущал, как вокруг сгущается напряжение: чужие лица становились колючими, ответы звучали коротко и неохотно.

Ошибку свою он понял быстро. Слишком чужой, слишком вежливый, слишком заметный – совсем не тот человек, который может задавать вопросы в сердце Краегора. Он поспешно вернулся в мотель, запер дверь и упал на кровать, пытаясь восстановить дыхание.

– Ну и жопа... – прошептал Вектор, проведя рукой по лицу. – Полная задница.

Нервы были на пределе. В одиночку, без имени и связей, лезть в глубину этого проклятого города было самоубийством. Нужно было идти к Жорику, просить информацию, платить за охрану, нанимать кого-то авторитетного, кто держал бы местных на расстоянии, хотя бы одного бойца, чтобы не получить пулю в спину раньше, чем дойдёшь до нужных людей. Но и это было опасно: Жорик умён и быстро сообразит, что Илья остался один, а за броневиком больше никто не стоит. Машина целая, деньги огромные, и оба эти факта могли запросто стоить ему головы.

Вектор ещё раз вжал пальцы в глаза, ощущая, как подступает глухая паника. На миг захотелось просто лечь и закрыть лицо руками, забыть обо всём, отключиться от этой удушающей неопределённости.

Вместо этого накрыла другая волна. Тревога вспыхнула ярко, а затем схлынула, оставив после себя холодную злую решимость. Он резко вскочил, подошёл к умывальнику и окатил лицо ледяной водой, а потом смотрел в своё отражение до тех пор, пока в глазах не осталась только жёсткая уверенность.

Если Мрак решил влезть в какое-то дерьмо – это его дело, выбрал путь, пусть сам за него и отвечает. А у Вектора есть броневик, детали и деньги, которые нужно правильно потратить, и ждать он больше не собирался.

– Всё, хватит, – тихо и твёрдо сказал он себе. – Пора заканчивать эту хрень и идти покупать грёбаные детали.

С таким настроением он снова вышел на рынок и теперь двигался иначе: шёл уверенно, без суеты, руки держал на виду, лицо застыло каменной маской. Он не пытался казаться круче или опаснее, просто устал притворяться и перестал думать о том, как выглядит со стороны.

Окружающие перемену уловили. Презрительные ухмылки исчезли, шепотки об «альденском выродке» смолкли, и разговоры с ним пошли по-другому – спокойно, сдержанно, иногда даже с уважением. Илья говорил мало, резко, иногда через губу, и дело было вовсе не в хамстве, просто он устал от длинных объяснений с мелкими барыгами.

А вскоре на него обратили внимание другие люди. Совсем другие – те, кто здесь действительно решает вопросы.

К Илье подошёл тощий парень в коричневом комбинезоне, с цепочкой на запястье и кривой неопределённой улыбкой, какие здесь носят многие. Выглядел он человеком, знающим все ходы и выходы, держащим в голове карту рынка и берущим процент за любое движение. Прошёл мимо почти не замедляясь и тихо бросил, еле шевеля губами:

– Если ищешь что-то серьёзное, чего в лавках нет, могу помочь.

Юноша помедлил, присмотрелся к посреднику. Тот уже отступил на пару шагов, но остановился и ждал терпеливо и спокойно.

– Да гори оно, – тихо сказал Вектор себе под нос. – Дороже, так дороже.

Главным сейчас было вложиться в броневик и потратить деньги как можно быстрее, пока они не стали причиной серьёзных проблем.

Илья шагнул за парнем. Они свернули за угол, прошли мимо сварочного поста, миновали стойку с горелыми фильтрами, потом повернули в тёмную подворотню без вывески, и Вектор ощутил, как по позвоночнику пробежал холодок, а инстинкт тихо прошептал: «Не туда ты, парень, лезешь».

«Допрыгался, альденец», – мелькнуло в голове.

Вместо засады или удара тесаком его встретил обычный толстый торговец, спокойно сидящий за широкой доской. Перед ним лежали металлические кольца с пометками, обрывки кабелей, образцы пластин и деталей, словно он одновременно был антикваром и логистом.

– Слушаю, – буркнул торговец с места.

Пара вступительных фраз ни о чём. Голос низкий, ленивый, слегка раздражённый самой необходимостью вести разговор. Потом мужчина прищурился и спросил:

– Ты чей будешь?

– Из Альдены, – спокойно ответил Илья.

Толстяк качнул головой, плечи у него расслабились, и стало ясно: гость без масти, лишних вопросов задавать незачем, можно вести дела напрямую.

Перешли к деталям. Парень достал подготовленную доску с записями, назвал позиции, точно объяснил, что ему нужно и под какую платформу всё должно быть собрано. Торговец слушал, время от времени уточнял по креплениям, пару раз удивился, но в целом вёл себя уверенно и профессионально.

Когда дело дошло до цены, настроение резко изменилось. Сумма была неприятной.

– Многовато, – спокойно произнёс Вектор, стараясь не показывать волнения. – Перебор на пять купюр, и это без особых излишеств.

Толстяк равнодушно пожал плечами.

– Маржа, друг. Сам понимаешь, через меня только так.

Вектор молчал, прикидывая. Пять купюр – слишком большая разница, её не срезать и скидку не выпросить, значит, этот вариант отпадает. Толстяк, прочитав его мысли, добавил лениво:

– Есть наводка. Хочешь дешевле – топай сам. Скажу, куда и к кому, только гарантий никто не даст, торгуйся. И про цену наводки не забывай.

– Сколько? – коротко спросил Илья.

– Само собой, за копейки такое не отдадут, – улыбнулся торговец.

Теперь окончательно стало ясно: придётся идти напрямую к производству, к тем, кто держит станки, детали и управляет рынком изнутри. Договариваться предстояло самому, и, возможно, платить чем-то большим, чем деньги.

Наводку он купил без колебаний. Торговец был человеком дела: болтовнёй не разводил, другом не прикидывался, сразу объяснил условия – через него надёжно, но дороже, а в другом месте дешевле, зато без гарантий. Твой риск, твоя выгода, копейка только за информацию. Для Краегора подход редкий и заслуживающий уважения: уйдёшь ни с чем – сам дурак.

Адрес оказался простым – старая узкая улица, зажатая между огромными производственными корпусами. Ангар, к которому подошёл Вектор, был громоздким металлическим гигантом, похожим на перевёрнутый броневик. Внутри беспрерывно гнули металл, варили, клепали детали, и ритмичный грохот станков смешивался с выкриками рабочих и тяжёлым гулом механизмов. Это было серьёзное производство. На втором ярусе виднелись комнаты с матовыми стёклами, за некоторыми – решётки.

Илья двигался осторожно, ощущая, как пространство сжимается и давит вниманием. У входа стояли двое охранников: один с кривым перебитым носом, второй коротко стриженный, с тяжёлыми цепкими глазами сторожевого пса. Оба быстро оценили незнакомца: руки без мозолей, лицо чистое, явно не местный.

– Тебе чего тут? – спросил один, шагнув чуть вперёд.

– Перо здесь? Сказали, его можно найти.

– Сказали, – передразнил охранник, скалясь. – Кто сказал-то, парень?

Вектор выдержал паузу и просто посмотрел ему в глаза, без извинений и суеты. Спину держал ровно, голову чуть выше обычного и смотрел так, будто перед ним стояло пустое место – без грубости, без лишнего интереса, как на препятствие, которое уже оценил и сразу отмёл.

– Подожди тут, – буркнул второй охранник и скрылся внутри.

Илья замер у входа. Прозвище «Перо» сразу вызвало неприятные ассоциации – скользкое, двусмысленное слово. То ли клерк, вечно склонённый над бумагами, то ли убийца, точно знающий цену одному движению ножа. Скорее всего, и то и другое. В Краегоре клички зря не давали, каждая была тщательно подобранной маской, за которой пряталось настоящее лицо.

Охрана повела Илью наверх по узкой винтовой лестнице. Ступени истёрты до блеска, стены покрыты густой копотью от давнего пожара. Поднимались молча, и шаги глухо отражались от металлических стен, напоминая удары по жестяному барабану.

Коридор оказался широким, застеклённым с одной стороны. Сквозь мутные стёкла с трудом пробивался тусклый свет, приглушённый слоями застарелой грязи. Охранник не стал стучать – дверь распахнулась сама, и он лишь молча отошёл в сторону, пропуская Вектора вперёд.

Предчувствие его не обмануло. Перед ним сидел человек, одетый чиновником: безупречно выглаженный костюм, серо-голубая рубашка с чистым воротником, жилет с перламутровыми пуговицами, на пальцах массивные кольца – тёмные, тяжёлые, без лишнего золота и показухи. На первый взгляд идеальный служащий, если не смотреть в глаза.

А глаза были другими. Холодные, цепкие, внимательно ищущие уязвимую точку, в которую можно одним точным движением воткнуть заточку. Обычно такие бывают мутны от скучной повседневности, но сейчас горели лихорадочным, нездоровым блеском.

Хозяин кабинета не встал и не поприветствовал гостя, ограничился коротким движением подбородка в сторону стула напротив и одним словом:

– Говори.

Вектор не стал тратить время и чётко изложил суть: партия деталей под одну машину, модификация боевая, оплата крупными купюрами, качество важнее скорости. Перо слушал молча, не перебивая, внимательно изучая лицо гостя, фиксируя каждое движение губ, едва заметные жесты и эмоции, словно собирая информацию для какого-то внутреннего отчёта.

Ответа он не дал сразу. Медленно положил на стол ручку, сложил перед собой пальцы и с заметной ленцой проговорил:

– Партия мелкая. Много возни.

– Понимаю, – спокойно ответил парень.

– Выгоды ни шиша, – продолжил авторитет, сверля его глазами.

– Возможно, – подтвердил Илья без тени эмоций.

Он уже готов был услышать отказ, а Перо всё медлил: что-то в госте зацепило, вскользь, занозой под кожу, мелочь, на которую стоит обратить внимание позже. Во взгляде на миг

мелькнул азарт – короткий, едва уловимый, – но Вектор успел его ухватить. Бандит решил поиграть, посмотреть, дрогнет ли этот странный парень в неподходящий момент.

– Допустим, мена, – произнёс Перо лениво, постукивая пальцами по столу. – Бабки-то при тебе?

Как током ударило. На мгновение Вектор почти коснулся кармана, где лежали купюры, но вовремя перехватил движение, прежде чем оно стало очевидным. Сердце стукнуло, замерло, потом снова ожило. Илья медленно откинулся на спинку стула и усмехнулся, изображая безразличие.

– Конечно нет, – ответил ровно. – Если договоримся, принесут.

Бандит задержался на нём чуть дольше, чем требовалось, и смотрел не на лицо, а чуть ниже, туда, где заметил едва уловимое напряжение в плечах. Промолчал. Было ясно: сама сделка его мало интересует.

Его интересовал юноша. Странная, немаркированная деталь, объект, который нужно изучить и классифицировать. Перо чуть улыбнулся уголками губ, оставаясь неподвижным. В делах Краегора действовала своя хитрая политика, и отпускать парня, не разобравшись в раскладе, было бы глупо.

Разговор тянулся медленно. Перо задавал вопросы лениво, без видимого интереса, а Илья отвечал осторожно, двигаясь по тонкому льду: от любого неверного слова могла пойти трещина, и сделка рухнула бы в пропасть, увлекая за собой, возможно, и самого Вектора.

Авторитет, казалось, вовсе не собирался договариваться. Откидывался на спинку кресла, лениво перебирал пальцами тяжёлые кольца и спрашивал не ради дела, а будто бросая камешки в воду и наблюдая, как далеко разойдутся круги. Илья ощущал себя марионеткой, вынужденной натянуто улыбаться, когда нити до боли впиваются в кожу, и давно бы уже ушёл, если бы не цеплялся за малейший шанс довести дело до конца.

Разговор плавно, сам по себе, перетёк на тему рейдов.

– Что последнее водил? – спросил Перо, глядя куда-то за окно, будто и не слушая вовсе.

– Суда гнали, – спокойно говорил Вектор. – Через Грейвилл шли, встретили Грифов.

Авторитет едва заметно повернул голову. Илья продолжил, подбирая слова, без суеты и без лишних подробностей:

– Уткнулись в Крикуна. Грифы его разбередили, и там срубило всех.

Он сделал паузу, вспоминая то, что предпочёл бы забыть.

– Караван целиком лёг сразу. Людей в кабинах выворачивало наизнанку, кровь из ушей, из глаз. Вытаскивали выживших на верёвках, тащили по земле, цепляли за ноги, за воротники, пока сами не начали сходить с ума.

Илья говорил без запинки, история лилась ровно и гладко, пропитанная настоящей пылью пустошей, и с каждым словом парень втягивался в рассказ, не замечая, как в глазах авторитета испаряется прежняя скука, тихо и незаметно, высыхает каплей воды на раскалённом металле.

Теперь во взгляде появилась осторожная внимательность. Перо вдруг понял, что перед ним сидит совсем не шут на потеху. А Илья продолжал говорить, не понимая, что разговор уже давно вышел за рамки сделки.

Вектор замолчал, обдумывая, как продолжить, чтобы случайно не упомянуть Мрака – слишком много нитей вело к нему, и лишние вопросы были ни к чему. Он нарочно тянул паузу, делая вид, что подбирает слова, но хозяин кабинета вдруг встрепенулся и перебил его, впервые за весь разговор посмотрев прямо и остро:

– Погоди-ка, родной, – оживился он, и тон стал внимательным и холодным. – Это вы Косу из-под Грейвилла выдернули?

У Ильи внутри что-то дрогнуло, пальцы едва заметно повело, но внешне он остался неподвижен. Перо продолжил уже резко и цепко:

– Этот балбес недавно у меня был, мозги пудрил, почему с грузом задержался. Мямлил что-то невнятное про «непредвиденные обстоятельства». Я думал, его где-то на боковушке прижало, а он говорит – мол, Крикун прямо на трассе, и какая-то парочка дёргала на канатах народ прямо из-под удара. Я тогда посмеялся, конечно. Крикун на трассе – такое и не придумаешь. А теперь ты слово в слово повторяешь ту же байку. – Перо наклонился вперёд, глаза сузились. – Ты, дружок, эту сказочку в забегаловке поймал и теперь мне втюхиваешь? Или как?

Слова были резкими, шилом под рёбра. Вектор на мгновение замер, и в груди стало холодно и тесно. Совпадение становилось опасным – ещё чуть-чуть, и он превратится в простого болтуна, а таких в Краегоре не терпят.

Но отступать было поздно. Илья медленно выдохнул, коротко качнул головой и без дрожи в голосе ответил:

– Мы были. Если сомневаешься – спроси у Косы сам. Или меня спроси что-нибудь такое, чего в кабаке не расскажут. Отвечу сходу.

Парень ступал по лезвию ножа. Коса мог соврать или просто скрыть что-то важное, но шаг назад сделать было уже невозможно. Бандит молчал, глядя на него пристально, и в глазах вдруг появился огонёк, уже не злости и недоверия, а холодного интереса.

– Ну ладно, дружок, – медленно проговорил Перо, сложив пальцы в замок, и слегка прищурился, изучая Илью взглядом, похожим на тонкое лезвие. – Вопрос простой. Во что Коса был одет в том рейде?

Внутри Вектор ощутил короткий всплеск победы, а внешне остался спокоен, даже слегка безразличен. Он помнил. Очень хорошо помнил.

Дорога до Грейвилла заняла добрый час, и за это время Илья невольно разглядывал спасённого, отмечая каждую мелочь. Куртка, застёжки, штаны, ботинки, снаряжение – всё впитывалось его технарским любопытством и намертво откладывалось в памяти. Особенно запомнился странный погон на левом плече – тёмный, потёртый, со знаком, похожим на змею, обвивающую треугольник. Тогда парень отмахнулся, просто отметил необычную деталь, а позже, уже в пути, узнал: такие погоны носят только свои, внутренняя ячейка Грифов. Клановый знак, сродни командирской повязке в Гильдии Перевозчиков, – если видишь его на человеке, вопросы задавать не стоит. В рейде такой человек командует и решает, кому жить, а кому лечь в песок.

Илья без лишних эмоций начал описывать:

– Куртка тёмно-серая, старая, с утеплённой подкладкой. Швы слегка подточены, одна застёжка латунная, отличается от остальных по цвету. На штанах усиления на голени, ботинки обычные, на левой щиколотке пряжка чуть оттопырена. Погон на левом плече, тёмный, почти неразличимый знак. Похож на кольцо или змею...

Он не стал продолжать – этого было достаточно.

Перо молчал. Уточняющих вопросов не задавал и подловить на мелочах не пытался, только смотрел Илье в лицо, разбирая услышанное по деталям, потом откинулся на спинку кресла, медленно выдохнул и уставился куда-то в угол потолка, будто разговор с гостем уже закончился, а другой, куда более важный, только начинался у него в голове. Пальцы переплёл, положил на стол, глаза стали рассеянными – для него собеседника больше не существовало. Губы едва заметно шевелились, и он заговорил тихо, почти неслышно, рассуждая сам с собой, забыв о присутствии Вектора:

– Ну, значит, так получается, – лениво и с лёгкой насмешкой протянул он. – Я тебе должок имею?

Смотрел мимо Ильи.

– Вытащил-то ты чужих людей, – продолжал он, не поднимая головы, – но если бы не твоя канитель, доставка встала бы намертво. Эти остолопы, будь они неладны, неделю пили бы

за помин души, а дальше? Выковыривай из баракон, ставь к станкам, слушай про «душевную травму» да «работать никак». Потеряли бы месяц, легко.

Он невесело усмехнулся, слегка качнув головой, потом, будто очнувшись, внезапно повернулся к Илье и взглянул ему в лицо – внимательно, почти агрессивно.

– А чего сразу не сказал-то, а? – Прищурился, заново взвешивая собеседника. – Значит, не знаешь, кто под кем ходит, верно? Занятно. Тогда два варианта: или ты так меня проверяешь, или совсем баклан, что ещё хуже.

Илья молча выдержал паузу, понимая, что сейчас даже одно лишнее слово может всё разрушить.

Перо снова задумался, глядя куда-то мимо, и медленно продолжил рассуждать:

– Допустим, баклан. Что я тогда с тебя получаю? Слух может пойти дурной – мол, с безмастными чужаками дела кручу. Такая грязь липнет быстро, а отмывается долго. – Сделал паузу, глаза сузились, и он резко наклонился ближе. – А если подсадной, значит, за тобой кто-то стоит серьёзный. Кто-то с авторитетом и, возможно, с зубом на меня. Тогда мне маза есть. Пусть небольшая, но всё же будет.

Он вдруг резко выпрямился и коротко хлопнул ладонью по столу:

– Ну что, дружок, решаем вопрос?

Цена, которую озвучил Перо, оказалась точь-в-точь как у перекупщика на рынке, с заложенной маржой. Но теперь Вектор знал реальную стоимость и осторожно вступил в торг, показал осведомлённость, но без наглости. Авторитет окончательно убедился, что перед ним не наивный баклан, а скорее подсадной, и потому быстро согласился на предложенные условия, без лишних возражений.

Когда Илья небрежно и уверенно достал всю сумму из внутреннего кармана куртки, в глазах бандита впервые промелькнул тревожный холодок. Прийти на первый контакт с такой пачкой означало либо безумие, либо абсолютную уверенность в крыше. Перо демонстративно не пересчитал купюры, но проследил за каждой, подтверждая своё впечатление. После этого сделка обрела совсем другой вес.

Они спустились вниз, в производственный ангар. На полках ровными рядами лежали детали, каждая на своём месте, ожидая момента, когда её установят в машину, готовую отправиться навстречу смерти или в долгий путь через пустошь.

Запчасти были старыми, но добротными восстановленными – аккуратно смазаны, грани тщательно отшлифованы, на поверхности маркировка краской или чёткие, недавно сделанные надписи на металле, кое-где пробивались серийные номера. Стабилизаторы, амортизаторы, ремкомплекты, шарниры и пара массивных блоков для тяжёлой оси – всё, за чем последние дни охотился Илья.

Он не торопился принимать детали сразу. Игнорируя нарастающее раздражение авторитета, Вектор склонился над ящиками и принялся скрупулёзно проверять каждый элемент: пальцы внимательно проходили по стыкам, он фиксировал серийные номера, а там, где они отсутствовали, детально описывал глубину резьбы, изгибы зубцов, характерные царапины и вмятины. Работал спокойно и методично, ничего не пропуская.

Перо наблюдал со стороны с холодным напряжённым безразличием, но вмешиваться не пытался. Последние сомнения в дилетантстве юноши окончательно рассеялись.

Оформляли сделку прямо на коленке: детали перечислили на грязном листке бумаги, авторитет небрежно расписался, вместо печати жирно прочертил крест и ткнул пальцем в грязь, оставив мутный отпечаток-кляксу. Типичная краегорская бюрократия, где формальности соблюдают скорее по привычке.

Груз отправили в «Трубу». Один из охранников сел в кузов, второй за руль, чтобы всё дошло без сюрпризов.

Парень остался на месте, держа в руках квиток и понимая, что стал на двадцать купюр беднее. Ровно половина денег ушла, половина осталась, и теперь предстояло заплатить охране Жорика – сумма была фиксирована до конца месяца, – потом рассчитаться с Шилом и его ребятами. Если всё пройдет гладко, останется лишь контролировать сборку и ждать результата. А главное – теперь можно было заняться поисками караванщика: время шло, а тот до сих пор не объявлялся.

Зря юноша думал, что всё решил. Следующие две недели Илья крутился волчком. Каждый день начинался в «Трубе» с проверки деталей и сборки, потом шли переговоры с Шилом, где-то помогал искать запчасти, потому что мастер справлялся плохо. Вектор решал вопросы, подписывал бумаги, мотался между мотелем, складами и мастерскими, выжимая из времени всё до последней капли.

Вслед за ним постепенно начал тянуться шлейф слухов. Сначала едва ощутимый, он сгустился день за днём, и вскоре Илья заметил повышенное внимание к своей персоне. На него больше не смотрели сквозь – смотрели с интересом, с прищуром, запоминая черты лица чуть внимательнее, чем раньше. Один из охранников на седьмом блоке коротко, почти уважительно качал головой, когда Вектор проходил мимо. Прямо никто ничего не спрашивал, но вопросы уже витали в воздухе.

Кто он? Под кем ходит? Почему в Краегоре до сих пор жив, с деньгами, с броневиком, и никто не предъявляет?

Пока всё списывали на серьёзную, пускай и невидимую поддержку. Сам Илья держался сдержанно и уверенно, говорил коротко, скупно, иногда бросал фразы так, будто решения принимает кто-то у него за спиной, которого на самом деле не было.

Лисса пять лет жила в Краегоре именно так – на слухах, недосказанности и тенях. Но Вектор не был Лиссой. Он видел: начал тикать таймер, отсчитывая дни до момента, когда кто-то перестанет довольствоваться слухами и задаст вопрос прямо.

Но парень успел всё сделать вовремя. Нашёл недостающие детали, закрыл вопрос с Жориком, полностью оплатил работу Шила и ребят, согласовал мелкие изменения в конструкции броневика. Модернизация шла своим ходом, оставалось только ждать. А значит, настало время искать Мрака.

Илья начал осторожно, без прямых вопросов вроде «вы не видели такого-то?». Просто прислушивался. Спрашивал, кто из местных пропадает на ночь, какие улицы лучше обходить стороной, где видели кого-то похожего, кого называли «молчаливым». Собирал информацию по кусочкам, как разбитую мозаику, тщательно подбирая один обломок к другому, чтобы хоть что-то стало яснее.

И в какой-то момент картинка начала складываться. Ни имени, ни точных примет – только кличка «Бритый» и место. Адрес был простым: улица, боковая ветка, заведение. Парень вдумался в название, и волосы встали дыбом, пальцы сами сжались в кулак, а лицо застыло, скрывая то, что поднялось внутри.

Место Вектору очень не понравилось. Совсем.

Глава 5

Яма

Краегор стелился под ногами мутной мглой, равнодушный к вернувшемуся. В воздухе гудело старое железо, слышались голоса давно мёртвых, крики и смех, захлебнувшиеся среди руин. Мрак двигался плавно, узнавая каждый изгиб улиц, хотя за эти годы они стали другими.

Лицо застыло камнем, а в глазах тлела единственная точка – цель, к которой вела дорога. Там, в старом сердце Краегора, билась давняя ярость, и внутри поднимался зверь, старый и терпеливый, привыкший ждать. Караванщик уже терял грань между собой и им. Этот зверь следил внимательно, помнил каждое лицо и каждый жест, выжидая годы напролёт.

Будь другой мир, возможно, всё вышло бы иначе: тёплая комната, слова, попытки простить. Но в Альтерре таких комнат не водилось, здесь калечили, держали крепко и помнили всё, здесь были грязные улицы, ямы и ржавчина, где каждый жил по закону равнодушия.

Мрак прятал своего зверя долго: сначала иначе было нельзя, потом это стало привычкой, а потом появился Илья. Но сегодня Вектора рядом не было – где он, с кем и жив ли, оставалось неизвестным, – и мальчишка больше не мешал. Где-то на краю сознания шипел голос разума, повторяя, что ещё рано, что Илья слаб, сорвётся при первой ошибке и подхватить будет некому. Голос звучал всё тише, утопая в ровном ритме пробудившегося механизма.

Пыльные переулки пропустили одинокую фигуру мимо старых зданий и заброшенного склада, туда, где оборвалось прошлое. Кварталы мелькали незаметно, и сознание за ними едва поспевало. Он прошёл местами, давно выброшенными из головы: разбитая сторожка, где кто-то из «старших» дал первый нож; серая бетонная стена, у которой лежал должник, не сумевший откупиться; железная дверь, за которой под хриплые всхлипы радиолы ставили на колени брата.

Многое изменилось – стены покрыла чужая краска, лавки обновили вывески, между домами висели потёртые флажки. Только ангар банды на окраине остался прежним: покосившаяся крыша, проваленный пол и мёртвый гул пустоты. И вагончик там же, пропитанный запахом пота, перегара и холодного железа, где когда-то лежал брат с дырой в голове и глазами, в которых больше ничего не отражалось.

Внутри вагончика была пустота. Металл остыл, кровь высохла, следы стёрлись, только пыль кружилась по углам, поднимаемая сквозняком. Мрак замер, понимая, зачем пришёл: позволить себе вспомнить, прочувствовать и сохранить.

После этого движения обрели точность. Он исчез с улиц, купил простую чёрную балаклаву без знаков и натянул её как маску прошлого, возвращая себе ту часть, что когда-то жила в тени. Стал другим – тем, кто жил по законам улиц.

Он появился в грязных переулках, пропахших мочой и дешёвым маслом, где крутились мелкие бегунки, решавшие чужие дела: передать, забрать, встряхнуть. К ним он подходил со спины, говорил низким глухим голосом, задавал короткие вопросы:

– Ты чей? – Кто крышует? – Кого боишься?

Шестёрки трещали быстро – слабые, незакалённые, с вьёвшимся в кости страхом, когда хватали за горло и шептали, как оборвётся их жизнь.

За три дня цепочка потянулась вверх, от карманников и вышибал к тем, кто собирал нал. Чем выше поднимался Мрак, тем громче становились слухи, перерастая в глухой тревожный гул. Пока ему удавалось избегать прямого внимания, но напряжение росло – кто-то шёл по следу слишком близко.

Империя Гренча казалась нерушимой, пока он за неё не взялся. Потянул за нитки, и сразу полезло гнильё: порядок держался только на словах, бароны грызлись за территории, старшие пили кровь у младших, а дисциплина оставалась пустым звуком даже у ближайших к верхам.

Ворон всплыл быстро. Правая рука Гренча, человек, державший дисциплину на рынках. Теперь Мрак знал, где тот появляется, у кого проверяет товар, с кем делит постель и кого ломает за послушание. Осталось последнее – вытащить наружу.

Зверь внутри требовал, чтобы тот вспомнил, осознал и ощутил страх, а для этого придётся проявиться. Караванщик медленно улыбнулся в темноте, продумывая каждый шаг. Всё шло по плану: информация стекалась ровно, без помех, шестёрки охотно говорили, цепочка вытягивалась, и Мрак уже ясно видел финал. Варианты мелькали – аккуратный выстрел из винтовки, граната в окно, если мразь спрячется в логове, или старый способ, нож в череп, когда патронов нет, а ярость осталась.

План крепчал с каждым допросом, и фигура Ворона обретала конкретные черты: привычки, маршруты, слабости. Мрак понимал, что таких, как Ворон, сразу не берут – нужно затаиться, дать ему самому выйти из укрытия и почувствовать безопасность. Но монстр внутри устал ждать, он хотел развязки, встречи, хотел увидеть, как старая боль наконец сломается.

На следующую ночь попалась добыча крупнее обычного. Слишком удобно появился человек на границе кварталов – без охраны, без прикрытия.

Разговор начался привычно: тёмный переулок, бетонные блоки, ни огня. Сильная хватка за ворот, рывок, тело к стене. Голос прозвучал низко и глухо:

– Под кем ходишь?

Мужчина спокойно встретил его, даже не дёрнулся. Ловушка – и Мрак понял это слишком поздно. Движение за спиной он угадал за секунду до удара, попытался развернуться, но тяжёлая дубинка вошла под скулу, сбивая баланс, второй удар пробил рёбра, третий пришёлся в почку.

Караванщик рванулся вперёд, вложив вес в прямой от плеча, и впечатал первого противника в стену. Второй атаковал сразу, и Мрак успел развернуться, подставить плечо, но голову оставил открытой. Щелчок прозвучал тихо, почти беззвучно, как включение маленького механизма. Сознание погасло.

Он не слышал разговоров тех, кто решал его судьбу. Лежал без сознания на бетонном полу, пока за спиной шёл холодный совет, спокойное жестокое совещание в духе Краегора, где решения принимают из простой необходимости.

Раздели его быстро и деловито. Чужие руки осмотрели тело в поиске следов, способных рассказать больше имени, но татуировки поведали немного: одни давно стёрлись, другие поплыли, утратив форму. Ясно было одно – когда-то принадлежал масти, но ни района, ни банды уже прочесть нельзя, всё покрашено и утрачено временем. Выяснить, кто за ним стоит, тоже не удалось: вошёл в город тихо, держался в стороне, избегал кабаков, стёр за собой следы. Пришёл один, без связей.

С одной стороны, напал на авторитета. С другой, нападением это назвать сложно – крови нет, оружия не доставал, просто грубо тряхнул и задал вопросы, сунувшись туда, куда обычно не суются.

Ворон вмешиваться не стал, слишком высоко сидел, чтобы мараться вознёй в кварталах, лишь коротко бросил: «Решайте по понятиям». У блатных оставалось два варианта: дожидаться, пока очнётся, и колотить по полной, или сразу отправить в Яму. Выбрали второе – город стоял на ухах, возиться с бритым было некогда.

Очнулся Мрак в густой затхлой полутьме, где бетон отдавал плесенью. Тусклые лампы под потолком едва освещали стены, покрытые копотью и маслом, а под ногами лежала мокрая плитка с разводами, с которой ежедневно соскребали следы очередной расправы. Попытался подняться – тело отозвалось болью, потянуло под рёбрами, во рту стоял привкус ржавчины.

Память вернулась постепенно: переулочек, схватка, удары, щелчок, пустота. Теперь его ждала Яма.

Во все времена и во всех мирах люди оставались одинаковыми: чем глубже жизнь уходила на дно, тем острее становилась потребность отвлечься. В Краегоре таким отвлечением стала Яма – жестокий ритуал, заменявший городу развлечения, правосудие и веру в судьбу. Здесь никого не судили, здесь просто смотрели, как один человек убивает другого, и на этом держался порядок.

Правила были простыми: пять поединков. Выжил – свободен. Ни обвинений, ни разбирательств, ни разговоров о прошлом, после пятой победы человек становился чистым. Внутри Ямы каждый забывал про героизм и обходился без высоких слов, оставались только страх, удары, кровь и отчаянное желание выжить. Из пятёрки бойцов выбирался один, редко двое, а остальные оставались здесь навсегда.

Караванщик понял расклад и принял его молча.

Когда Мрака вытолкнули на арену, грязно-жёлтый свет прожекторов больно ударил в глаза после полутьмы подвала. Бетонные трибуны нависали кольцом, заполненные телами и гулом сотен глоток, надсадным и тяжёлым, будто сам Краегор тяжело дышал, ожидая крови.

Толпа встречала новичка смехом и грязными ставками. Кто-то кричал, размахивая бутылкой дешёвого пойла: «Этого порвут первым же ударом!» Другие разглядывали пристальней – молчаливый, в чёрной куртке, стоит ровно, глаза пустые и холодные. «Посмотрите, руки трясутся! Нож выронит раньше, чем дойдёт до середины!»

Веселились, пока не вышел второй боец. Тот был крупнее, шумнее, злее, вышел с наигранной яростью циркового актёра, бил себя кулаком в грудь, плевал на песок, кричал трибунам что-то бессвязное, и толпа взревела. Когда охрана бросила на пол ножи, трибуны притихли, жадно впиваясь глазами в соперников.

Первый удар вышел размашистым, для толпы. Второй прошёл ближе к телу, трибуны завопили громче, требуя крови. Боец продолжал наступать, и следом наступила тишина. Мрак шагнул навстречу спокойно и точно, лезвие вошло под рёбра коротко, почти без сопротивления, ещё одно движение – и горло открылось ровной глубокой раной.

Арена застыла, толпа оборвала крики на полувздохе. Боец рухнул на бетон, дёрнулся и затих, кровь с бульканьем выплеснулась на песок. Мрак вытер лезвие о рукав мёртвого, будто закончил обычное дело, и поднял глаза к трибунам.

Тогда зрители взорвались. Крики слились в один неразборчивый рёв, бетон задрожал от топота, проигравшие бросали деньги на пол, победители дико хохотали.

– Вот это да! Вскрыл, как свинью! – орали сверху.

– Без шансов! Одним ударом! – подхватывали другие.

Уже летели новые ставки, звучали клички – «Чёрный! Бритый!». Мрак не слушал, просто развернулся и пошёл к выходу, оставляя на песке длинный тёмный след. Первый бой окончен, один мёртв, четверо ждут.

Следующий бой назначили нескоро – по негласным правилам Ямы победителей ставили против победителей. Убитых заменяли свежей кровью, а выживших выдерживали, пока страх и ярость не достигали нужной крепости. Кормили, к удивлению, прилично: хлеб, каша, вода без ограничений, потому что организаторы знали – зритель не заплатит за худые вялые тела. Ему нужно мясо, крики, хруст костей и финал, выворачивающий наизнанку.

Яма была скорее двором для убоя, чем тюрьмой. Широкое пространство, окружённое стенами с заваренными люками и острыми шипами, каменные блоки, проржавевшие балки – всё пропитано песком, потом и кровью, и здесь ждали кандидаты на бойню. Сотни рук обустроили тренировочную площадку: манекены из мешков с песком и одежды, шаткие деревянные столбы с бутылками, платформы, замотанные тряпьем, а на земле валялись палки, обструганные и заточенные до сходства с ножами и дубинами.

Мрак время зря не терял. Вставал рано, разогревал суставы, вымерял дыхание; круги, удары, стойки, двенадцать часов с перерывами, ритмично, как в мастерской, где нельзя слабо затянуть винт. Дерево свистело в воздухе, ноги шуршали по бетону. Остальные смотрели: кто-то с любопытством, кто-то ухмылялся, другие скрипели зубами от зависти. Мрак игнорировал их, он был здесь не ради них.

Оставшиеся часы уходили на медитацию – привычка из прошлого, когда внутри горело слишком сильно, чтобы уснуть. Садился в тень, дышал глубоко и медленно, невольно вспоминая улицы, крики, масло на пальцах, брата, нож, ночные обещания, врагов, которых приходилось прощать, и друзей, которых простить нельзя.

Постепенно начало происходить странное. Зверь бесился, рвался наружу, требовал крови и ярости, но медленно просыпался человек, тот, что долгие годы прятался за грохотом моторов, командными криками и запахом пироцелия, тот, кто умел думать и выбирать. Мысли становились яснее, удары точнее, движения увереннее.

Парни стояли тесной кучей, будто тепло чужих тел могло отогнать неизбежное.

– Слушай... – начал один, с ожогом на щеке и потухшими от бессонницы глазами. – Ты ведь выжил. Скажи, как продержаться дольше?

Мрак ответил не сразу, разглядывал пыльный манекен у стены, где остался глубокий след от ножа, выпустивший набивку.

– Не лезьте первыми, – сказал он наконец, глядя мимо них. – Первый шаг всегда ловушка. Кто рвётся сразу, умирает первым.

– А если на тебя сам прёт? – подал голос молодой, с надорванной губой и трясущимися коленями. – Если сразу, напролом?

– Тогда используй это. – Караванщик прищурился на парня. – Уходишь с линии, бьёшь сбоку. По руке, по бедру. Голову забудь, без умения туда попасть сложно. Связки рвутся куда легче.

Повисла пауза.

– А если вообще не умеешь? – тихо спросил третий. Лицо и тело мягкие, незнакомые с боями. – Просто попал сюда случайно...

Мрак медленно пожал плечами.

– Тогда просто не бойся умереть. Кто боится – всегда опаздывает. Поздно бьёт, рано дрожит. Даже если конец неизбежен, смотри противнику в глаза. Стой до конца.

Слова осели между ними, простые, как грязь под ногтями. Парень с дрожью в ногах выдохнул, будто ему сняли груз, остальные молча смотрели.

Мрак понимал, что всё это бессмысленно: один совет спасёт одного и убьёт другого, что подарит лишнюю секунду одному – лишит руки другого, в Яме всё решала случайность. Он понимал и всё равно говорил. Пусть не выживут, но хотя бы умрут без панического визга, выйдут на арену с видом людей, понявших, что дышат последний раз. В этом городе, в Яме, даже это уже победа.

– Не думайте, что вы особенные, – добавил напоследок. – Здесь таких было много. Большинство сдохли свиньями. Хотите уйти иначе – деритесь как люди.

Он отвернулся и ушёл, оставив позади тишину, уже не паникующую, а внимательную.

Сегодня Мрак сэкономил силы. Никаких утренних кругов, никаких ударов по манекену; сидел тихо, вросший в песок двора, и двигались только глаза, следя за тенями, лицами, воздухом. Разминаться начал за пару часов до выхода, медленно, проверяя суставы и связки, растягивая мышцы, вымеряя дыхание. Шестеро, вчера задававшие вопросы, сначала наблюдали, затем неуклюже начали повторять движения: один неловко держал палку, другой пытался попасть по мешку, третий разминал плечи. Всё лучше, чем выходить на бой с тяжёлыми мышцами и кровью, застывшей в ожидании смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.